

Василий ШУПЕЙКИН

ПРОСТО ЖИЗНЬ

Глава из романа

На границе не бывает тишины... (1975 год)

Срочная служба моя приближалась к последнему «звоночку»: до приказа министра обороны СССР «Об увольнении из рядов Вооруженных Сил СССР в запас военнослужащих, выслуживших установленные сроки...» оставалось сто дней. Про «звоночек» – это я так, для красного словца – на погранзаставах не звонят ни по поводу, ни без повода. Я, истинный пограничник, знаю: у нас, если что, включают сигнал тревоги, сирену.

Для каждого, кто два года тянул солдатскую лямку, «сто дней до приказа» – дата знаменательная, её отмечают. По-разному, обычно, ночью. Бывает, с «искривлением дисциплинарной практики»: деды, от радости приближения дороги домой, бьют молодых солдат чайной кружкой по заднице. Бьют столько раз, сколько месяцев прослужил солдат. Но в погранвойсках так не делают. А если кто-то посмеет – на гауптвахту, а то и в дисциплинарный батальон загремит.

В эту ночь командиры и пограничные начальники, те, которые поумнее, особо не перегибают дисциплинарную палку. Но и бдительности не теряют, держат личный состав под контролем. Именно про такие моменты службы офицеры говорят: «Чем бы солдат ни занимался, какой бы дурью ни маялся, лишь бы водку не пил да в самоволку не бегал».

Да уж, водка и самоволка для солдата, как, в общем-то, для каждого мужика – зло номер один. До цугундера они доводят.

А «цугундер» – понятие разноплановое, но однозначное: наказание! – от телесных побоев шомполами-шпицрутенами до посадки в каталажку гауптвахты! Его от прусской армии в русский язык привнесли...

Наш замполит старший лейтенант Балгимбаев выбился на вышестоящую должность. Как заведено, он попрощался с личным составом пограничной заставы Орловка, что в предгорьях Восточно-Казахстанского Алтая с 1924 года стала непроступным заслоном шпионам и другим нарушителям священной границы Советского государства на левом фланге первой комендатуры Курчумского пограничного отряда Краснознаменного Восточного пограничного округа КГБ СССР.

– Спасибо за совместную службу! Я вас всех, ребята, никогда не забуду, вы – отличные солдаты. Благодаря вам застава после московской проверки имеет самый высокий балл. Спасибо! Вы помогли мне получить назначе-

Василий Васильевич Шупейкин родился в 1954 году в Алма-Ате. Член Союза писателей Казахстана, лауреат международных литературных конкурсов, автор книг «Долг», «Я люблю этот город», «Не только про любовь». Его произведения вошли во многие коллективные сборники и альманахи, среди которых «Струны души» (2000) и «Казахстан – Беларусь» (2020). Более 20 лет работал журналистом газеты «Вечерний Алматы» и ведущим программы на телепортале «365info.kz». Перу Василия Шупейкина принадлежит более пятисот очерков и газетных статей, сотни отснятых телепередач на темы законности и порядка.

ние на вышестоящую должность – буду старшим инструктором политотдела отряда.

– А куда, если не секрет? – спросил я.

– Как говорят в кадрах, сослан на северный берег... – он сделал многозначительную паузу, и не в силах скрыть улыбку от удовольствия предстоящего переезда, добавил: – На северный берег Черного моря!

Мы поаплодировали офицеру, нормальному мужику, не рвавшему с нас три шкуры, не выезжающему на солдатском горбу в карьерный рай.

Чем отличен нормальный офицер – командир, начальник?

Иной в ходе инспекторских проверок, ради показа лучших результатов, еще накануне начинает зверствовать, подтягивать результаты службы по охране госграницы, нещадно занимается муштрой, бесконечно дергает подчиненных на тренировки – боевой и политучебы, замордует физподготовкой. А сам ни черта не умеет. Девиз такого командира «Делай, как я сказал!». А убывающий от нас заместитель начальника заставы по политической части имел командирским принципом «Делай как я!». И сам был в деле воинском образцом. Жалко было с таким расставаться. Кто его сменит? Неужели такой же «зубодер», как начальник заставы капитан Ильин? Нет, и к этому офицеру в личном плане мы претензий не имели, он тоже за солдатские спины не прятался, на службу ходил чаще каждого из нас. Но не умел Ильин прощать нечаянно оступившихся, рубил с плеча за малейшее нарушение дисциплины, а уж за промахи на службе и вовсе «наградил» лишением сна с одновременной чисткой конюшни и нужника. Не было в нем того, о чем пели в строевой песне «Каждому солдату, командир – отец...».

Только от Балгимбаева я слышал свое имя. Начзаставы обращался к нам только по званиям – «товарищ солдат», «товарищ сержант». Зато матом не ругался и клички обидные, как на других заставах водилось, нам не присваивал, и никакого битья воинов в бытие службы не позволял.

– Просьба у меня к старослужащим, то есть к дедам, – напоследок обратился замполит. – Я знаю, скоро – сто дней до приказа. Так вот, к этому времени к вам приедет мой преемник, молодой, только что из погранучилища, лейтенант. Вы нового замполита не подведите. Ему в отряде рекомендовали нашу заставу как лучшую. Постарайтесь отметить свой праздник как можно скромнее. По крайней мере, без картинок. Обещаете, что сами себя до цугундера не доведете?

– Так точно! – дружно и бодро отозвались мы в шесть голосов.

Перед боевым расчетом «деды», которые по неписаным ритуалам срочной службы после отмечания ста дней до приказа переводились в разряд дембелей, а после выхода долгожданного документа об увольнении в запас становились «квартирантами» погранзаставы, собрались в курилке – летней беседке со скамейками по периметру и огромной «пепельницей» посередине. Вопрос обсуждался один: «Как отметим?»

– Чаепитие организуем; молодым людям передадим свои служебные пожитки; салаг переведем в пшенари, пшено пойдет в черпаки, а этих – в деды. Себя объявим дембелями, – беззаботно, как по наезженной колее, прикатил предложения челябинский татарин Равиль Гузаиров, киномеханик.

– И всё?! – вскипел Паша-дизелист, очень ответственный человек и значимый пограничник в ранжире заставских специалистов.

От Пашки и правильной работы его чадушки – дизельэлектростанции – зависело на заставе всё: свет, как само собой разумеющееся; зарядка батарей к радиостанциям; тепло! Но самое главное – электричество кинопроекто-

ру для демонстрации фильмов, единственного развлечения пограничников, на многие месяцы оторванных от благ цивилизации.

Начиная с августа, дизель подтапливал помещения – в горах и летом по ночам прохладно. Бывает, намерзнешься в наряде, оттопаешь километров тридцать, возвращаешься в Орловку часам к пяти утра, в самый холодный предрассветный час, и мечтаешь: сейчас сладкого чаю с корочкой белого хлебушка, желательно с маслом, и – под одеяло, где... «Снится на границе парню дом родной!»

– И всё? – вновь спросил Пашка. – А для кого я две недели бражку варю?

Тут надо пояснить: не скрывая замысла, брагу во фляге для набора крепкости мы ставить не могли – кто же разрешит. Но Вадик Черненко, очень башковитый паренек из Запорожья, додумался вот до чего: весь июль солдаты пили чай без сахара – набралось почти пять килограммов. Повар-хлебопек Алишер Низамов из Андижана пару раз вместо ароматных высоких белых булок «нечаянно» испек лепешки без дрожжей – вкусные, хорошие, но затратные по муке.

Как только пошел первый затяжной дождь, солдаты обратились к замполиту – холодно, подтопить бы.

Паша убедил начальство, что для качественной протопки необходимо срочно слить из радиаторов отопления старую воду, тщательно промыть их. Потом в систему отопления мы залили чистойшую воду, засыпали сахар, забросили дрожжи. Теперь Пашка выжидал моменты: как только офицеры выезжали на боевой рубеж, «подтапливал» заставу. Ух, как журчали и потрескивали батареи!

– Встаь! Смирно! – выкрикнул команду я, так как первым увидел подошедшего к беседке начальника заставы.

– Просто так «шлангуете», или речь о чем-то ведете, старики? – в какой-то не свойственной ему манере спросил Ильин. – Ладно, можете не отвечать, догадался: у вас сейчас одно на уме – Приказ и Дембель! Правильно?

– Так точно! – хором выдохнули мы.

– Огорчу я вас, товарищи солдаты и сержанты: именно в день приказа к нам прибудет сам начальник погранотряда полковник Слипченко. Так что все вы, как самые опытные, пойдете на службу в ночь. Я точно знаю, полковник любит ночные проверки. Готовьтесь! Лошадей своих обиходьте, собачек потренируйте, уставы почитайте... – Мы притихли. – Ну, хорош лясы точить – за работу, товарищи! Пять минут вам на докуривание. А приказ отметить... Я вам дам такую возможность. Как только командир уедет. А перед этим похвалит вас за прекрасно организованную и проведенную ночную службу.

– Мляяя, – чуть не плача, протянул Серега Иванов, москвич и пижон, постоянно рассказывающий молодым про свои похождения. Его послушать, весь мир – бардак. – Я же с водовозом деревенским, с дядей Сеней уже договорился!

– О чем? – мы недоуменно посмотрели на сослуживца. В программе празднования приказа никаких водовозов «дядей сеней» не намечалось.

– Хотел, мужики, вам подарок сделать перед дембелем...

Но какой, дослушать нам не довелось.

– Застава, строиться на боевой расчет! – прокричал с крылечка дежурный по заставе. Мы метнулись на плац...

Так заведено, задолго до нас и наших отцов – еще прадедами, а то и раньше – отсчет времени суток на погранзаставах начинается вечером ровно в двадцать часов. Именно в это время все, кто не на дозорной тропе или в секрете, не стоит часовым на вышке либо не дежурит как связист, выстраиваются в определенном ранжире и слушают «Боевой расчет». Его, как правило,

в девятнадцать часов производит сам начальник погранзаставы. Каждому бойцу он определяет порядок действий, от расчета и до двадцати ноль-ноль следующих суток.

... – Становись! – молодой прапорщик Вася Жилин, еще полгода назад тянувший с нами ляжку, теперь старшина заставы. Командовать построением ему пока что в новинку – волнуется.

– Выполнить команду «Становись!», – повторяет он, а сам поглядывает на крыльцо – не вышел ли Ильин. Надо успеть крикнуть нам «Смирно!», положить руку к головному убору и строевым шагом, молодежато, как велит устав, выйти навстречу начзаставы. Не доходя три шага до начальника, замереть и громко, четко, уверенно доложить: «Товарищ капитан! Свободный от службы личный состав пограничной заставы “Орловка” для проведения боевого расчета построен! Старшина заставы прапорщик Жилин». Начальник заставы даст команду «Вольно!», старшина продублирует...

И начинается то, что уже сидит в печенках – ожидание вердикта: кто назначен на службу ночью. Потому как боевой расчет есть приказ, считай, как на войне. Он – основа несения службы личным составом и демонстрация грамотности лица, его составляющего: сумел офицер создать глубоко эшелонированную систему охраны и обороны на порученном участке, или?..

Вот для этого в Наставлении по охране госграницы черным по русскому написано: «Боевой расчет на пограничной заставе – ежедневное мероприятие по распределению служебно-боевых и др. обязанностей личного состава пограничной заставы на предстоящие сутки. На Боевом расчете присутствуют все пограничники, находящиеся в расположении заставы, в том числе и временно прибывшие на заставу. Построение личного состава производится без оружия. Начальник заставы доводит данные обстановки и объявляет: итоги службы пограничных нарядов за истекшие сутки; фамилии тех, кто назначается на охрану Государственной границы и кому предоставляется время для технического обслуживания вооружения и техники; кто назначается на хозработы; порядок действий заставы при изменениях обстановки...»

То есть говорим обо всем.

Но вначале...

– Здравствуй, товарищи пограничники! – зычно здоровается с нами Ильин.

Вот ведь интересные дела: весь день мы встречаемся с начальником, приветствуем его положенным отданием чести, а здороваемся только вечером: «Здравия желаем, товарищ капитан!» Именно так положено произносить приветствие начальнику и командиру, младших старшему.

А на деле?

Если послушать строевой «хор» со стороны, услышишь сплошное слитное: «здраежаеатащтан!»

Ильин раскрывает талмуд – «Рабочую тетрадь». В ней записывается составленный распорядок дня для личного состава, план охраны границы в текущие сутки с расчетом сил и средств. Тетрадь, как черновик. Потом из нее всё, что нужно, будет аккуратно переписано в «Книгу пограничной службы» – главный документ, в котором пятьдесят лет хранится «военная тайна»: кто, на каком участке, во сколько, не дай-то Бог, проворонил нарушителя. Позор! Преступление! Государственная граница – священна и неприкосновенна! Бывали случаи, редко, конечно, нам рассказывали в период учебы овладения пограничным мастерством: поймают чекисты глубоко законспирированного

шпиона, который многие годы орудует в советской стране, он и расколется. И с точностью до минуты расскажет, когда, на каком участке ухищренным способом – допустим, привязав к ногам копыта марала – пересек контрольно-следовую полосу. И начинается уголовное дело. Берут из архива «Книгу пограничной службы» заставы, находят день и «План охраны границы» на эти сутки, и... Ага-а, иди сюда, бывший пограничник, отвечай за свой крепкий сон на священном рубеже!

– ...Наряд в составе: старший пограннаряда сержант Островский!..

Всего лишь секундная пауза, а начзаставы совсем другим тоном повторяет:

– Сержант Островский!

– Я! – громче обычного откликаюсь я.

– Товарищ сержант, повторите вид возглавляемого вами наряда!

«И как это я задумался? Пропустил назначение на службу...»

– Виноват, товарищ капитан!

– Виноват – ответите: вместо дозора пойдете на обслуживание подсобного хозяйства и кормление свиней! Начало в четыре утра!

Ильин тут же сделал пометку в Рабочей тетради и объявил:

– Надеюсь, спящих в строю больше нет?

Краска залила мне лицо; комок подкатил к горлу; я сделал глубокий вдох и на миг задержал дыхание. «Ну, капитан! Ну, сука!.. Да при чем тут Ильин? Ну, задумался... А он, гад, сержанта, дембеля – в наряд по хозяйству! Говно за свиньями убирать?!»

– Повторяю: в Дозор по левому флангу для проверки электро-сигнализационного комплекса и контрольно-следовой полосы назначаются: ефрейтор Атагулов...

– Я! – бодро выкрикнул кавалер очень престижного знака «Отличник погранвойск второй степени» и классный конник-наездник Серик.

– Старший пограннаряда...

– Есть!

– Рядовой Шумилов...

– Я! – Тут же отозвался Вадик-связист.

– Возьмете с собой радиостанцию – наряд конный, не надорветесь. Выход на связь в установленных точках.

– Есть!

«Твою же маманьку! На конях, не пешком! Такой наряд проср... проразмышлять! Ишак ты, сержант Островский, ой иша-ак. Теперь понюхай, чем живое сало пахнет...»

– Рядовой Проценко с розыскной собакой Бек...

– Я! – выкрикнул Петя-Петро, инструктор наших четвероногих сослуживцев.

– Время выхода на службу – двадцать ноль-ноль.

«Сууукаа! Самое лучшее время! Значит, возвращение в два часа ночи: впереди доппитание и восемь часов сна. Завтра вторник – политзанятия с самого утра. А ночники спят до одиннадцати. Два часа проволынишь и – обед. А там и дембель на один день станет ближе...»

Ильин продолжал:

– Тревожная группа: старший – прапорщик Жилин...

– Я! – отозвался Вася.

– Состав: младший сержант Кенжебаев, рядовые Остапенко, Выдрин, Штырев. – Солдаты подтвердили свое назначение уставным «Я». – Сейчас – строевая подготовка, тема: «Повороты в движении и на месте; отход-подход к начальнику». Вольно!

– Вольно! – повторил команду старшина. – Разойдись!

«Ну, хоть от этой мудистики с шагистикой избавлен! Ладно, товарищ кэб, пойду свиньям хвосты крутить, коров доить и говно выносить. От таких мало-приятных моментов с заставы, как и с подводной лодки, никуда не денешься... Лишь бы не лягнула коварная корова Майка... А не надо задумываться, товарищ сержант!..»

– Острый!.. Остры-ый! – Оклик Миши Фримана, годка моего призыва, заставил вздрогнуть. – Ты чего такой затуманенный? Правильно капитан говорит: «спишь» на ходу. Или ты намеренно шлангом прикинулся – надоело фланги мерить?

Маленький – метр шестьдесят пять сантиметров – солдат, непоседливый и шустрый, отличался участливой деликатностью. В обязательном порядке находил возможность утешить, вернее, отвлечь от невзгоды или полученного нагоняя товарища по оружию. Подойдет, разговорит – и отвлечется человек грустивший, или, как я, переживающий от взбучки.

– Н-да, задумался. Хотел скоротать ночным дозором денек до дембеля, а получилось...

– Как приснилось, так и получилось. – Миша игриво хохотнул. – Что, опять ночью девушек обнимал, не спалось?

Я вновь за последние полчаса покраснел: сон был действительно про это...

– Да ланн тебе смущаться! – утешил Миша. – Я тоже чуть не каждую ночь вижу во сне свою Инку. Приеду – женюсь. А у тебя есть невеста?

– Есть, пишет, что ждет... Только до приезда нашего еще как минимум три с половиной месяца... Долго!..

– Не стоните, Владислав! Всё самое страшное уже позади. Вспомните, как нас учили наши деды? Чего вам служить осталось? «Зима, лето – год долой, одна Пасха – и домой». А они-то по три, а то и по четыре года рубеж государев стерегли. Такие же сержанты. Представляешь, ты в двадцать лет уже отслужил, а их тогда в этом возрасте только призывали...

– Мне-то уже двадцать один...

– Подумаешь, всего на год старше... Ты, это, как невесту проверять будешь? Может, она того? Ну, с кем-то – это самое, жучится? А?

– Не постесняюсь, спрошу...

– Так она тебе и признается...

– А куда денется: если уже не девка, то и говорить не о чем.

– Так ты, что, пацан?! Не был с ней?

– Нее, она строгая девушка.

– Молодец, Острый! Я тоже не трогал свою, хотя она была не против. Но я сдержался – к другой бегал, была у нас в микрах одна...

– Островский, Фриман – ужин на столе, – окликнул нас через открытую дверь кухни повар. – Давайте быстрее, а то салагам отдам ваш паёк...

О, нет! Сливочное масло было дороже Мишиного рассказа о...

– Пойдем, поедим, потом дорасскажешь.

Едва мы ступили на первую ступень высокого крыльца, динамик зашипел, наполнился треском и выдал: «Вау-ы-у-а-у! Вау-ы-у-а-у! Тревожная группа – в ружье!», буднично, без героического пафоса, сработка системы – дело привычное – объявил дежурный по заставе, и вмиг нутро старого заставского здания наполнилось гулом и топотом кирзовых сапог по деревянному, во многих местах выщербленному полу.

Входить в этот момент в помещение – дурной тон: тревожка сейчас летит к пирамиде с оружием! Кто-то нахлобучивает на себя снаряжение – подсумок

для пары магазинов для калаша, фляжку с водой, кому положено, берет бинокль, радиостанцию...

Первым из нутра заставы вылетает водитель уазика Валерка Штырев. Его задача – стоять перед открытыми воротами с распахнутыми в машине дверями и задним бортом багажника-собачника. Но чтобы успеть до сбора тревожной группы, машина должна заводиться с полпинка. А для этого Штырев обязан каждую свободную минуту посвящать своему уазу – холить и лелеять его мотор, ходовую часть и коробку передач с раздаткой блокировки мостов подвески.

Следом рванул к вольерам с собаками Игорек Выдрин. Псы лаяли наперебой, словно каждый предлагал инструктору свои услуги. В их отрывистых «Гав!» в такие моменты слышалось – «Я!». Тоже ведь солдаты-пограничники. Обучены в специальной пограничной кинологической школе в городе Душанбе – одной на весь Советский Союз. Чистокровные немецкие и восточно-европейские овчарки. Умные-ее! Они вострепнулись и вскочили на лапы, едва в динамике оповещения начался треск и хрип. А уже под сирену – запели наперебой свое гав, гав, гав – я, я, я.

Отставая на два шага, следом за Выдриным скатился с высокого крыльца связист Толян Остапенко. Он чертыхался, пытаясь на ходу застегнуть лямку, удерживающую на спине радиостанцию. Тяжелая доля связистская! Зато дежурства у них в теплой комнате с аппаратурой. Если, конечно, со связью всё в порядке. Иначе приходится и в дождь, и в мороз топать, искать, где провод оборвался. Причем как можно быстрее. Потому что во время Великой Отечественной войны маршал Жуков заметил: «Связь как воздух: когда она есть, мы ее не замечаем, когда исчезает – задыхаемся!» Это точно...

Последним к машине – уже подогнанной к воротам и загруженной тревожкой – бежит прапорщик Жилин. Как дорогое украшение, на его худой длинной шее болтается бинокль; португепя оттянута тяжелым пистолетом Макарова, вложенным в новенькую кобуру... Нет, не похож пока что наш Вася на образцового пограничника, что нарисован на стендах, обрамляющих наш небольшой строевой плац.

– Таак! – на крыльце с секундомером появился начальник заставы. Всё ясно, тревога учебная. – Четыре минуты двадцать секунд. Неплохо, неплохо... Командуй отбой! – говорит он дежурному.

Динамик вновь трещит, шипит, и... как в анекдоте: «Война закончена, мы проиграли! Все свободны, всем – спасибо!»

А нас ждет ужин: свиной гуляш с картошечкой-пюре, салат из свежей капусты с огурчиками, кружка горячего сладкого чая и горбушка белого хлеба с маслом... Вкусно! Особенно хлебная корочка. Молодым салагам она редко достается. Ничего, их черед обязательно настанет, потому что дембель неизбежен, и старики уходят в запас.

Самоподготовка по теме политзанятий тоже неизбежна. Уж что-что, а политпросвещение для пограничника в числе первых, если не самое первое и основное.

Сами посудите: учебные стрельбы два раза в месяц, а политзанятия – два раза в неделю. Плюс – ежедневные политинформации. «Боевой листок» – еженедельно! А в нем: «...бдительной службой пограничники заставы Орловка ответили на почин партии или комсомола». Недаром во дворе, на самом видном месте висит плакат: «Пограничник – политический боец партии, полномочный представитель страны на порученном участке!»

– Что, мой друг Миша? Вкусили пищи телесной, пойдем, воспримем питания для патриотического настроя души.

– Пошли, пацан!

Фриман был на два года старше меня, призывался после брошенного аж на четвертом курсе института. В редкие минуты на него снисходила тоска, и тогда он позволял себе называть пацаном даже меня, человека, имеющего среднее специальное законченное образование и оттого призванного не в восемнадцать мальчишеских лет, а на год позже. И этот год, кстати, чувствовался. По крайней мере, мной. Особенно на кроссах – пацанам десять км бега давались легче.

...В Ленинской комнате все стены увешаны планшетами с выписанными плакатными перьями выдержками из различных источников.

Перво-наперво – во всю торцевую стену – лозунг: «Учение Маркса все-ильно, потому что оно верно!»

Я много раз задумывался над выводом «верно»: а где доказательства? Но задавать вопрос для развенчания сомнений не спешил – это все-таки Ленин сказал! А всё, что касается непререкаемости и гениальности Владимира Ильича, сомнениям в стране не подвергалось. Сказано про него: «Самый человечный человек!», значит, так оно и есть. Говорила мама: «Скушай еще ложечку за бабушку Ленина» – кушал!

А школа? Вернее, все школы СССР начинались с ленинских слов: «Учиться, учиться, и ещё раз учиться!» Лично я ни грамма не сомневался в ленинской правоте и учился. Грыз гранит науки. Учился хорошо, но круглым отличником никогда не был. Ленин тоже не отличник учебы – внимательно посмотрел фотографии его аттестата и увидел: есть четверки. И вообще, кто я такой, чтобы учиться лучше Ленина?!

На самом видном месте – планшет с биографией вождя мирового пролетариата, под ним полка с темно-синими книжками – пятьдесят пять томов ленинских статей, писем, записок. Всё, к чему прикасался карандашом и перьевой ручкой Ильич, бережно собрано в ПСС – полное собрание сочинений! Ни один из пятидесяти томов ни разу не открывался. (Кто любит читать, тот ни с чем не спутает характерное потрескивание впервые открываемой обложки и упругость преломляемого разворота страниц). Перечитав за время службы мизерную библиотечку, я взялся, так сказать, за Ленина. Пролистал теоретические работы основоположника советского государственного строя и строителя многонациональной страны. В одной из них обнаружил полный текст фразы, что сотни раз читалась мной в любом кинотеатре страны над экраном: «Из всех искусств для нас важнейшим является кино!» Оказалось, что в беседе с наркомом просвещения и культуры Луначарским Владимир Ильич сказал: «Пока народ безграмотен, из всех искусств важнейшими для нас являются кино и цирк». Ну дела! В цирке я такого лозунга над ареной не видел никогда. Обидно мне стало за цирковых артистов. Поразмыслив, пришел к заключению: гений Ленина состоит в умении правильно оценить момент! В первые годы революции людские массы надо было просвещать и тянуть на свою сторону. Где и как это сделать? Среди рабоче-крестьянского населения России популярность кино и цирка во много раз превосходила театры и библиотеки, концертные залы филармоний, консерваторий и научных лекториев с музеями. Именно в кинотеатрах и шапито народу втирали в мозг «верное учение». Нашел и продолжение фразы про «всесильное» учение Маркса: в двадцать третьем томе, в работе «Три источника, три составные части марксизма». Так вот, учение Маркса, «...Оно полно и стройно, давая людям цельное мирозерцание, непримиримое ни с каким суеверием, ни с какой реакцией, ни с какой защитой буржуазного гнёта. Оно есть законный

преемник лучшего, что создало человечество в XIX веке в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма».

Попробовал почитать всю статью – мало чего понял: слишком длинные предложения с мудреными словами. Каждый абзац приходилось перечитывать, чтобы не утратить основную мысль. Так же не мог понять горлопана Маяковского, помните: «Я себя под Лениным чищу, чтобы плыть в революцию дальше...» Может быть, тогда, полвека назад, люди именно так, иносказательно вещали свои мысли?

Рядом с Ленинским стендом – Решения очередного двадцать четвертого партийного съезда. Целых три вертикальных планшета! А над ними – горизонтальный: «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза».

На первом планшете – крупно, красным рубленым шрифтом: «Решения съезда – в жизнь!»

На противоположной длинной стенке – пограничная тематика: в середине картина маслом: «Границу охраняет весь советский народ» – пограничник, пионер и чабан целеустремленно смотрят... в разные стороны. Правильно! Каждый должен заниматься своим делом. А на заднем плане – просторы родной страны с домами и школами, новостройки, дымящие трубы заводов и фабрик, бескрайние степи с отарами тучных барашков. Здесь же написана и фотоиллюстрирована «История КВПО, отряда и заставы». «Отличники службы и учебы» соседствуют со стендом героев-пограничников, чьими именами названы некоторые заставы нашего округа. Похваюсь: я в виде фото на Доске почета тоже присутствую.

И здесь во всю стену над планшетами лозунг-высказывание Ильича: «Мы стоим за необходимость государства, а государство предполагает границы». Вывод вытекающий: границы государства надо охранять от любых посягательств извне; следовательно, 28 мая 1918 года вождь подписал от имени Совета Народных комиссаров Декрет «Об учреждении пограничной охраны границы РСФСР». Отсюда началась летопись пограничного войска СССР и праздник для тех, кто носит и носил зеленые фуражки – День пограничника. Для солдат срочной службы он всегда отмечается усиленным пайком с разными вкусами. Вот так, куда ни кинься, всё у нас от В. И. Ленина...

... – Почему ты ничего не пишешь? Говорят, весенних дембелей в отряде тормознули и конспекты проверили. Сказали, чтобы не позорили погранвойска при поступлении на учебу, – Мишка прервал мои размышления о великой роли «дедушки» Ленина. – Сейчас везде требуют знания Решений съезда...

– На следующий год очередной съезд соберется, чего нам прошедший мусолить?

– Как хочешь, а я напишу, на всякий случай... – Фриман аккуратно развернул платочек и обнажил шариковую ручку – дефицит надо беречь, не приведи господи, стырит кто-нибудь – низко склонил голову над большой общей тетрадью и начал расшифровывать и переписывать строчки каракулей из чужого конспекта.

Я посмотрел на его упорное «чистописание» и ухмыльнулся.

– Ты чего, зёма (земляк – Миша тоже призывался из Алматы), и вправду веришь, что кто-то будет проверять твою писанину?

– У тебя, может, и не спросят конспект, а у меня – сто процентов!

– Это еще почему?

– Потому...

- Ты что, к особистам в лапы угодил? – я перешел на шепот.
- Хуже, – так же тихо прошептал Миша.
- Что бывает хуже «стукача»?
- Еврей...
- Не понял.
- Я – еврей!
- И что?
- А то! Всегда и везде приходится доказывать, что я за советскую власть, что дед мой начинал службу у Дзержинского, уцелел при Менжинском, не попал в «ежовые рукавицы» и дошел до Берлина. Про папу не могу говорить – он закрытый ученый, имеет допуск к «Сов. Сек.» документам...
- На заводе Кирова работает, что ли?
- Молчи...
- Да все алмаатинцы знают, что там торпеды изготавливают. Потом везут на Иссык-Куль, для испытания.
- Раньше возили...
- А теперь?
- Как ты думаешь, для чего Капчагайское водохранилище сделали? Всего шестьдесят км от Алма-Аты.
- Аааа... Понял.
- Смотри мне, пацан, не болтай.
- Так ты серьезно, про евреев?
- Серьезно.
- А как же ты в погранвойска попал? К нам же немцев и евреев не призывают.
- Некоторых, с такой анкетой, как у меня, берут, в виде исключения.
- Интересно как-то получается: мой папа при Сталине сидел в лагерях как враг народа, дед – белорусский цыган, а меня призвали на передний край советской родины, доверили автомат, подпустили к самому краешку вражеской территории... – Я невольно обернулся на желто-коричневый плакат, карикатурно изображавший противника СССР номер один – Китай. – Мне до Пекина – не от Москвы раком пятиться, только КСП перепрыгнуть...
- Тихо, тихо, Влад! Чего языком мелешь? Ох, пацан, попадешь ты на цугундер за свой язык...
- Хочешь, анекдот расскажу? – я прибавил громкости, чтобы привлечь к себе внимание – уж очень тихо стало в Ленкомнате, когда мы с Фриманом на шепот перешли.
- Приехала в погранотряд проверка из Москвы... – Салаги с дальних столов повскакивали с мест и взяли нас с Мишкой в окружение. (Ага, салажата, всё же прислушивались! Прав Мишаня: язык мой – враг мой! Кто сказал? Может, Ленин? Надо полистать его труды...) – ...И, как положено: построение, проверка конспектов и т. п. Потом старший группы замечает, что офицеры тыла и политотдела построены вперемешку. Он к начальнику погранотряда: «Почему тыловиков и политотдельцев не разделили по подразделениям?» – «Так они же, товарищ генерал, почти что одинаковые». – «Как так?» – «Да разницы в них – только ударение переставить... в одном слове на букву "П" ...»
- Хохот потряс стены старенькой заставы и не прекращался пару минут. Пока в Ленкомнату не прибежал прапорщик Жилин. Все мгновенно стихли и принялись усердно демонстрировать кипучую деятельность.
- Оставь ты переписку, Миша, давай лучше порычим...
- Нет, Влад, домой шибко хочется, не дай Бог, на сутки в отряде тормознут...

– Ааа, понял: «хочется», как чукче апельсин?

Фриман недоуменно выпучил глаза, большие, карие и всегда печальные, хотя без улыбки на губах его мало кто видел.

– Ты что, не слышал этот анекдот?

Молодые воины вновь сорвались с мест, затопали кирзачами, как слоны.

– Эй, салабоны, тише не можете? А еще пограничники! Вас что, на учебном пункте не учили маскировке и скрытному поведению в секрете? А ну-ка марш по местам!

Молодые солдаты немедленно повиновались мне, старослужащему сержанту. А куда они денутся? Таков незыблемый порядок службы.

– А теперь скрытно подошли! Кого услышу – отправлю на «ТТТ». («ТТТ» – наказание от деда салаге, а то и пшенарю – тазик, тряпка, туалет!) Кто боится, тот не рискует, но остается без анекдота. Начали!

Пацаны, уставшие днем от службы, еще час назад дремавшие за столами, восприняли игру и двинулись с мест. Тихонько заскрежетал ножками об пол стул. Все замерли. Я сделал вид, что не услышал, и салажата продолжили движение.

Медленно, полуприсядью, перенося тяжесть тела с левой на правую, ставили ногу на пол сразу на всю стопу...

И, надо же, ни одна половица не скрипнула – умели строить наши предки на века.

– Так! Молодцы! Все пришли?

– Только Штырев уснул, – шепнул кто-то.

– Ему можно, он – руль. Вдоль «линейки» не ходит, в засаде не лежит...

– А теперь – смирно! – подал команду я. – Вольно! – перерыв, можно перекурить. Но не более десяти минут!

Молодежь разочарованно – не услышали мой анекдот – двинулась на улицу.

Пока народ отсутствовал, я успел рассказать Мише очередной анекдот про молодого коренного жителя севера, что нашел в тундре оброненный геологами апельсин. Попробовал его и помчался в стойбище. Два дня шел на лыжах, чтобы рассказать соплеменникам о сладостном фрукте, удовольствии от которого, как... «Как нерпа?.. Как мороженая брусника? Как свежая печень кита?», – пытали его соседи. «Нет! – отвечал северянин. – Это как молодая жена в первую брачную ночь!»

– Вот и тебе, Мишаня, хочется к Инке, как этому парню апельсинов. Ладно, не морочь себе голову этими каракулями. Повернись лицом вот к этому стенду и переписывай...

Миша внимательно посмотрел на текст, прочел вслух первый абзац:

«Главным международным итогом съезда стала изложенная в Отчётном докладе Л. И. Брежнева и принятой по нему резолюции “Программа мира” – система мероприятий, направленных на коренное улучшение международной обстановки и принципиальную перестройку отношений между государствами».

– Ты считаешь, больше ничего про съезд писать не надо? – спросил он.

– Слушайте сюда, Миша: это, таки, квинтэссенция всех четырех дней, в которые проходил главный форум коммунистов страны и, не побоюсь этого слова, мира.

– Ну, Острый! Прошу тебя: не болтай ты лишнего. Ой, представляю, если бы я так распускал язык, давно был бы направлен в кирко-мотыжные войска, а не на границу. Нам, евреям, Владик, надо быть в три раза лучше остальных, чтобы не иметь ярлыков: «Хитрый», «Ленивый», «Жадный». Вот мы и вкалываем, чтобы заработать как можно больше денег и угощать вас деликатесами.

Только потом всё равно кто-то скажет: «Живут же евреи! Смотри-ка, деликатесы жрут! Откуда деньги берут, машинаторы?» Вот скажи: я жадный, хитрый, за чужой счет на службу не хожу?

– Брось ты ерундой страдать! Ни я, ни кто-то другой никогда о тебе плохого не сказал и не подумал. Честно говоря, если бы ты не пробудил сегодня генную память в себе, я бы и не вспомнил. И никто здесь ни про чью национальность не вспоминает. Ты это заметил?

– Точно! Только москвича ругаем – вот же неугомонный, до баб охочий. Но москвич – это не национальность...

– Разрешите войти? – на пороге Ленинской комнаты появились наши сослуживцы. После перекура они продрогли: горы и близость осени в нашем краю – так называемой Орловской впадине, казахстанском полюсе холода – делают вечера, и особенно ночи, ой какими холодными. А в январе температура и вовсе до минус пятидесяти пяти падает. Но грядущая зима нам с Мишкой уже не грозит – дембель неизбежен... Как и крах империализма, в свое время заметил Владимир Ильич. Только не сказал число, месяц и год предстоящего краха «загнивающего» Забугорья.

«А если они гниют, почему запах такой приятный исходит от французских духов?» Блиин! Опять чуть было не сказал это вслух. А сказал бы, так подправил бы в момент, дескать, это не я сказал, от одного подлеца в автобусе услышал...

– Итак, рядовой Фриман, пишите! И вы все, – я обернулся к личному составу, – пишите под мою диктовку:

«...Программа мира, принятая резолюцией Двадцать четвертого съезда КПСС, предусматривает: ликвидацию военных очагов в Юго-Восточной Азии и на Ближнем Востоке, содействие политическому урегулированию в этих районах, с правом давать немедленный и твердый отпор любым актам агрессии и международного произвола...»

Ребята суетливо водили авторучками и карандашами в тетрадях, и никто не обращал внимания, что, стоя лицом к планшетами, я считываю и диктую им написанное отрядными художниками извлечение «Резолюции съезда», «Программы мира» и прочее, что понапрасну висело в Ленкомнате третий, а то и четвертый год.

– Так, давайте сокращенно и пошустрее: «Отказ от применения силы и угрозы её применения для решения спорных вопросов должен стать законом международной жизни» (пишем: спор. вопр. долж. ст. зак. мжднар. жиз.). Учитесь, салаги, пока я жив... особо не упирайтесь, никто ваши вирши читать не будет, а вы свои кренделя и без очков разберете... Продолжаем: «Созыв Совещания по вопросам безопасности и сотрудничества в Европе, в том числе для окончательного признания территориальных изменений в Европе, происшедших по итогам Второй мировой войны; осуществление коренного поворота к разрядке и миру в Европе, принятие мер для обеспечения коллективной безопасности; подтверждение готовности СССР и других стран – участниц Варшавского договора к его аннулированию при условии одновременного аннулирования договора о создании НАТО. В качестве первого шага предлагалось ликвидировать военные организации ВД и НАТО»... Та-ак, кто мне перечислит, какие страны входят в блок НАТО? – В комнате повисла тишина. – А в Варшавский договор?

Желающих ответить на этот вопрос тоже не нашлось.

– Ладно, оставим это на следующую самоподготовку. (Больше лирических отступлений на поговорить я не делал, сам завелся.)

– Пишем: «...заклучение договоров, запрещающих ядерное, химическое и бактериологическое оружие...»

...Уф! Устал диктовать...

– Все успели записать мои мысли?

– Так точно, товарищ сержант! – нестройным хором ответили солдаты.

– Встать, смирно! Вольно! Самоподготовка завершена. По местам службы шагом марш...

– Ну ты, пацан, даешь! – Мишка с восхищением смотрел на меня. – Ты когда все это успел зазубрить?

«Признаться, что ли?», – я ухмыльнулся.

Признаваться не стал – понравилось быть «шибко умным», как чукча из анекдота сказал про Ленина.

– А вот теперь, после того как я лично, по собственной инициативе, провёл, считай что, политзанятия, посмотрим, что и как обо мне будет доложено оперу. А, Миша?

– Ну ты, Острый – голова-а!..

...Наезжавший время от времени в Орловку улыбочивый старший лейтенант из особого отдела, Ясен пень, собирал информацию о каждом – такая работа. Бдительность – наше оружие!

Черноглазый красавчик старший лейтенант вышел из уазика. Он знал цену своей мужской стати – по манерам угадывался сей признак: опрятный, подтянутый, чисто выбритый, с очаровывающей улыбкой на устах.

Тут же навстречу прибывшему офицеру – сам начальник погранзаставы капитан Ильин. Воинское звание «капитан» позволяло ему не встречать «дорогого» гостя лично – хватило бы и дежурного по заставе, то есть меня, сержанта Островского. Но – это же оперуполномоченный особого отдела, человек, допущенный к сбору информации от личного состава. Он же имел право опроса жителей села Орловка, крайний дом которой находился в двухстах метрах от заставских ворот.

Дружба с местным населением входила в прямые обязанности офицеров, и местные работники Бобровского отделения лесхоза, начальство, конечно же, были не редкими гостями на заставе. И сами лесхозовцы с удовольствием приглашали в гости пограничников. Ясен пень, встречи эти без хмельных возлияний не обходились – традиция! Но одно дело выпить по маленькой, закусить, решить дела и – по рабочим местам. То, что называлось – без фанатизма! Другое – выпить и, не останавливаясь на достигнутом, квазить безостановочно. А потом в пьяном угаре выбалтывать военную тайну! Этого допускать нельзя! Над этим и работали контрразведчики, как любили именовать себя работники ОО – особого отдела, выспрашивали преданных делу партии людей: а не скрытый ли враг тот или иной имярек, «надевший на себя зеленую фуражку»? Кстати, этот картуз, цвета травы и листвы, мы иногда, в шутку, но с любовью, называли «карацуповка», по имени легендарного пограничника Никиты Карацупы, лично задержавшего 338 нарушителей границы и уничтожившего 129 шпионов, не пожелавших сдаться. Не только Карацуповской, славой многих истинных чекистов, хранителей незыблемости еще государевых границ, овееяна зеленая фуражка.

Отвлекаюсь...

Бывало, что и личной жизнью офицера не брезговали интересоваться контрразведчики. А как же иначе? Вот, бывало, поедет капитан Ильин в лесхоз за помощью дровами или пиломатериалом для сооружения сарая. Выпьет с управляющим по маленькой, да не остановится. (Местный бугор имел такую гадкую манеру: кто не выпьет с ним, как положено, то есть три полли-

тры на двоих – ми-ни-мум! – тот ничего не получит!) А потом Ильин пойдет в гости в его дом... А если не пойдет?! Ни-че-го не по-лу-чит! Значит, пойдет и продолжит. А уж там – пир горой! Жена лесхозника вмиг притащит в гости соседку – жену бригадира, который еще вчера убил на дальнюю делянку, а приедет только послезавтра.

Ага-а! И начнут они вдвоем обхаживать холостого капитана, очаровывать да подхваливать его. А под утро бригадир нежданно-негаданно вернется домой... Где жена?! Жены нет! А ружье – вот оно, на стене висит... «Опять она за свое?! – убью суку!»

Ба-бах! Ба-бах!

В воздух! Пока что. Но громко бахает двустволка.

Свет в избах вспыхивает, двери хлопают. Как же не струхнуть? Вот же она, граница – а вдруг?

«Чавой-то там такое?!»

На заставе – тревога: «В ружье!» Сонные солдатики топают сапожищами по деревянному полу – в селе слышно.

«Ну, усё! Раз погранцы поднялись, считай, быть войне...» «Вынайтя из схронов золотишко, деньжата и мотайтя в тыл!»

А капитан с управляющим спят крепким сном. Жены – рядом. У одного – своя, у другого – чужая.

И уже мчится от заставы к селу конник – замполит. Вторую лошадку для начальника за собой ведет – не впервой выручать шефа...

... – Рад видеть вас, Максат Касенович! – приветствует старшего лейтенанта капитан. – С чем пожаловали?

– Да ты, говорят, тут косулю опять завалил? – с ленинской хитрецей и смешливым прищуром говорит старлей. – Не очень громко стреляли?

– Врут, всё врут. Я же вам обещал, больше не повторится...

Они идут в канцелярию – так называется помещение, где работают за столами офицеры – ну а я, как дежурный, остаюсь за неплотно прикрытой дверью.

– Так ты мне всё-таки скажи: точишь бригадиршу?

– Ну вот, вы опять за старое...

– Ладно, ладно... Кстати, про медведя не просто так спросил: поставь солдатакам задачу: увидят где – немедленно доложить. К нам просятся люди из Москвы на охоту. Организуем всё чин по чину – оба получим повышение по службе. Усёк, капитан?!

– Понял...

– Докладывай, что наработал – я ненадолго. Покушаю у тебя – и на Матвеевку рвану.

– Зря, зря... – голос начальника стал тише и вкрадчивее. – Тут на днях в село новую фельдшерницу прислали. Такая классная чувиха – Джина Лоллобриджида, копия... Могу сегодня новый фильм показать, кинокомедия «Иван Васильевич меняет профессию»...

– Видел я его в отряде, классное кино. И что? Ты на что намекаешь?

– Пригласим руководство с женами и её. Потом баньку...

– Баньку, говоришь? Но только у них, не на заставе...

– Как скажете.

– Лоллобриджида, говоришь? Посмотреть бы на нее сначала.

– Никаких проблем. Сейчас подседлаем вам коняшку. Езжайте в магазин – фельдшерская напротив – встреча неизбежна. Её Айгерим зовут.

– А сам чего не занялся красоткой?

– Староват я уже, а она совсем кызымка. И потом, я против вас не тяну, – Ильин подлил елей в кадило охмурения. И, не дожидаясь окончательного решения особиста, громко крикнул: – Дежурны-ый!

А я – вот он! Рядом...

... – Что за клячу ты мне подседлал? – старлей недовольно сморщил губы.

– Остальные или на службе, или только вернулись с флангов, отдыхают. Она хорошая, Янкой кличут. Вы ей шенкелей под бока пару раз подкиньте да трензелем по зубам шаркните, помчится как Сивка-бурка.

Уже по тому, как офицер взгромоздился на Янку, было понятно – не джигит, белая кость, этакий сибарит кабинетный. А чего тут понимать? Если человек взгромождается в седло со стороны лошадиного крупа, как будто бы на мотоцикл садится, значит, конник он никудышный, начинающий. Опытный наездник подойдет с головы, вставит ногу в стремя, возьмется за луку седла, а то и за гриву лошади, другой ногой сделает мах вверх – оп-па! – и в седле. Старлей был не из маленьких-легоньких офицеров, тех, про кого говорят: «сорок восемь килограммов с заряженным пистолетом и метр пятьдесят в фуражке и с подбитым каблуком». Этот – упитан и мускулист, высок и строен. Янка качнулась от его веса и недовольно фыркнула.

– Стоять! – распорядился седок и стал гнездovаться в седле: всё-то ему в тщедушной кобылке некомфортным казалось.

Через минуту, взяв уздечку двумя руками, старший лейтенант легонько ударил лошадь каблуками в бока:

– Пошла!.. Но-о!.. Вперед!

Янка делала шаг и останавливалась, храпела и даже начала пятиться в конюшню, где ей было тепло и сытно и никакой седок не давил на старый хребет.

– А ну-ка, дай мне плетку, сержант! – распорядился опер.

Услышав ненавистное слово, опытная Янка, не дожидаясь ударов, тут же шагнула за ворота. И, едва ступила на дорогу, перешла на рысь – а чего старушке не промяться под горочку.

Уже через пару минут особист лихо соскочил с лошади прямо на крыльцо магазина. И это у него получилось красиво – мне в бинокль хорошо было видно его гарцевание: то, как офицер небрежно привязал повод к перилам и, сделав вид, что не заметил на противоположном крыльце фельдшерицу, легкими прыжками «проскакал» пять ступенек вверх.

А та с удивлением и нескрываемым интересом, облокотившись грудью на такую же мощную деревянную перелину – один мастер выстругивал – любовалась статным красавчиком.

Он на несколько минут исчез за магазинной дверью. Но фельдшерица не покинула пост наблюдения.

И вот дверь магазина отворилась.

Не глядя на фельдшерский медпункт, особист стал на верхнем подиуме крыльца и несколько секунд перелистывал страницы только что купленной книги. Затем резко поднял голову и, точно так, как читал я в старинном романе, «...наконец-то взоры их встретились».

Блин, послушать бы, что он ей в эти секунды говорит, какую лапшу на уши вешает? Но видно же, видно в бинокль, как они друг дружке стараются понравиться! Он – не стоит на месте, играет корпусом, покачивает улыбающейся головой, жестикулирует. Она – подняла грудь с перила и взялась за дерево двумя ладонями, выпрямила руки в локтях, отчего стала казаться выше. И тоже заиграла плечиками, заиграла...

Через пять минут особист, любезно пропустив «докторшу» вперед, вошел в медпункт.

Наверное, попросил померить давление: прибыл с низины на высоту – в голове зашумело?

– Сержант Островский!

– Я!

Ильин подкрался сзади – тихо, гад, подкрался.

– Я уже пять минут наблюдаю за вами – вы что там в бинокль рассматриваете? Что-то в селе происходит?

– Наблюдаю за действиями старшего лейтенанта – переживаю, что не справится с лошадей, наездник-то он, как видно, никакой. А за лошадь с меня спрос...

– И где он?

– Зашел в фельдшерский пункт, а Янку привязал за перила магазинного крыльца.

– Дайте-ка мне бинокль, а сами... вы лучше проверьте часового на вышке!

– Есть!

Очень хорошо! Очень правильно вы мне подсказали, товарищ капитан – на вышке бинокль в разы мощнее – морской бинокуляр «БМТ-110». Двадцатикратное приближение!

Пока я забирался на вышку, наводил резкость и перенаправлял БМТ с левого фланга на поселок, наблюдаемый объект уже спускался с крыльца медпункта.

Фельдшерица приняла прежнюю стойку – грудью на перила – и влюбленно уставилась «рыцарю» вслед.

Видимо, чтобы произвести ковбойский эффект, старлей поднялся на три ступени противоположного крыльца, отвязал повод и лихо прыгнул на спину Янки.

Бедная лошадка не ожидала от неумелого седока такой прыти, и под его весом, качнувшись на левый бок, едва не упала. Офицер испугался и потащил повод вверх с такой силой, что чуть было не опрокинул лошадь на противоположную сторону. По артикуляции рта я понял – в этот момент он кричал: «Тпру... Не балуй!»

Ишь ты, аргамача выискал – «Не балуй!». Как будто бы Янка не шаталась, а танцевала под ним от неумной прыти!

Физиономия фельдшерицы исказилась в испуге, но быстро сменилась доброжелательной улыбкой – мне в бинокляре были видны все ее родинки и волоски черных бровей.

«Ковбой» развернул лошадку в сторону заставы и поддал ей таких шенкелей, что та, присев, внезапно сделала скак. Такой Янкиной прыти в последние годы никто не видел – старушка давно не гарцевала и, тем более, не галопировала. Тем не менее, в этот раз она напряглась и сделала рывок.

От неумения держаться в седле особист колыхнулся вперед-назад, всплеснул руками с поводом, но в седле удержался.

Янка, не выдержав перенапряжения, выдала из-под хвоста громоподобный звук. Девушка отшатнулась от перил, пригнула голову.

Вместе со звуком – долгим, тревожным, утробным – лошадь выстрелила струей плохо переваренного овса прямо на крыльцо. Не обращая внимания на седока, оконфузившаяся Янка затрусилась домой, в конюшню. При этом каждый шаг помечала новым звуком и порцией овса...

Фельдшерица, еще минуту назад вожденно представлявшая кавалера джигитом, разразилась истерическим хохотом.

К возвращению опера я стал у входа. Ильин велел сообщить старшему лейтенанту, что готовится к ночной службе, то есть отдыхает, как написано в уставе, не менее четырех часов лежа.

Нахмуренный опер распорядился заправить бензином уазик, выпил чаю с баурсаками и убыл в неизвестном направлении – контрразведка нам не докладывает!

Значит, кина не будет.

Продолжаем служебные будни...

...В день прибытия нового замполита я «мерил» правый фланг: вместе с двумя салагами придирчиво, как велит инструкция, осматривал КСП – контрольно-следовую полосу, проверял напряжение в колючих нитях заградительной системы, выходил на связь с дежурным связистом, включая переносную трубку в розетки на столбах в строго определенное время. Учил салажат: «Много чего надо сделать в дозоре, если нести службу по всем правилам, а не отбывать номер в наряде». Я, командир отделения, дисциплинированный, исполнительный, грамотный пограничник, почти «квартирант» на заставе, передавал опыт службы молодым пограничникам. Традиция преемственности поколений за два года впиталась в мою кровь. Голове и сердцу от командиров и политработников передалось главное понятие службы: «Граница – рубеж боевой!» Ни дня, ни минуты, ни мгновения она не должна оставаться без догляда – враг не дремлет, и ты, боец переднего фронта мирного времени, не спи в наряде.

Но прилечь после первых десяти километров дозорной тропы очень хочется.

– Товарищ сержант! Разрешите обратиться? – с интонацией уставшего ребенка спросил связист рядовой Шумилов.

– Что случилось?

– Перекурить бы...

– Я не курю и тебе советую бросить: намучаешься с этой привычкой. Во-первых, в ночном наряде обязательно попадешься и будешь наказан за демаскировку; во-вторых, зимой дорогу заметет, и долго не приедет автолавка с сигаретами – начнешь курить разную дрянь и кашлять; в-третьих, тебе же радиостанцию таскать, бегать с ней за нарушителями – задохнешься, и не будет тебе медали «За отличие в охране Государственной границы СССР».

– А у вас, товарищ сержант, есть такая?

– На моем веку нарушителей не попадалось, а то бы...

– Да на Орловке их, по-моему, с момента последних боев в гражданскую войну не было...

– Мало служишь, сынок: осенью прошлого года двое ребят с медалями домой поехали – заготовителей золотого алтайского корня взяли, целую бригаду китайцев. А при них – полтонны этого бесценного продукта. Следовательно сказал, что больше ста тысяч стоил этот груз. Вот так. Бросай курить, бросай. Сейчас вон за ту горочку перевалим, там у нас запланирован сеанс радиосвязи. Там на пятнадцать минут приляжем. А ты – покуришь в кулачок, чтобы дым клубом не создавать. Вдруг с той стороны лазутчик следит за нами? Как только увидит, что мы прошли участок, так и кинется через систему в открытую. А может так аккуратно пролезть, что нити не замкнутся, сработки не будет. А мы только на обратном пути, часа через два обнаружим след. Где он за это время будет? Так что не нойте, ребята. И вообще, на тяготы службы не жалуются.

– Получается, дембеля получили медали за простых сборщиков целебных кореньев? – не сходил с темы Вадим. – Жалко, что ли, нам травы? Вон

ее сколько здесь. Пусть бы покушали-попитались китайские товарищи, у них же голодное существование – так нам замполит на учебном пункте говорил.

– Дело не в траве, хотя и в ней тоже. Первое: никому не дозволено без разрешения пересекать линию госграницы СССР. Если допустим несанкционированный заход на нашу территорию – уважать перестанут. А на нас с тобой плевать будут. Знаешь, как англичане говорят? «Мой дом – моя крепость!» А мы чем хуже их? Сказано, нельзя без спроса заезжать, заплывать, заходить, подкапываться под нашу территорию, значит, нельзя, иначе накажем. Мы с тобой задержим, передадим нарушителя в следственные органы КГБ, а оттуда нарушитель поедет в суд. Дальше – тюрьма. По-другому не бывает, ни у нас, ни в одном другом уважающем себя государстве. А ну-ка, Славка, – обратился я к рядовому Свиридову, – скажи-ка мне, что такое госграница?

– Государственная граница Советского Союза есть линия и проходящая по этой линии вертикальная поверхность, определяющие пределы государственной территории (суши, вод, недр и воздушного пространства), – отчеканил формулировку солдат.

– И вот мы, сейчас, наделенные полномочиями охраны советских рубежей, идем вдоль этой линии, и вдруг видим самолет, летящий из Китая или в Китай: что будем делать?

– Будем слушать ваш приказ, товарищ сержант, – первым сообразил усложнить ситуацию для меня самого Вадим.

– А я приказываю: развернуть радиостанцию, – только и успел сказать я, и тут с нашей стороны послышался звук вертолета. Каждую секунду он нарастал, и вскоре из-за горной гряды нарисовался Ми-8. Он летел прямо на нас, отсвечивая круглыми боками солнце в зените.

Честно говоря, я опешил: а вдруг это...

Нет, не может быть такого, чтобы летчик намеренно летел в Китайскую народную республику, очень недружественное нам государство, уже дважды нападавшее на СССР.

Рука сама сдернула автомат с плеча, и в этот миг вертолет заложил крутой вираж, подставил нам на обозрение весь фюзеляж и начал снижаться. По моим расчетам, километрах в тридцати от заставы. Значит, приземляется или в селе Бобровка, или во Владимировке, соседней с нами заставе. Но уже через пару минут винтокрылая машина вновь взмыла в небо и стала приближаться к Орловке: подъем и тут же спуск – тридцати километров как не бывало. Интересно, что к нам привезли? А может, кто-то пожаловал?..

– А вы чего, товарищ сержант, автомат с плеча сдернули? Неужто стреляли бы по вертолету с красными звездами на корпусе? – не унимался Вадик.

– И сам бы стрелял, и тебе бы приказал, но прорыва через границу не пустил бы.

– А вдруг летчику просто стало плохо, и он попутал рычаги, и...

– Отставить разговоры! Вдруг бывает только пук. А у нас все действия регламентированы законом, уставом и служебными инструкциями. Понятно?

– Так точно! – скис Шумилов.

– Почему связь с заставой до сих пор не установлена?..

– Делаю, делаю...

«Вот же демагог этот солдатик-связист. Надо будет обязательно о нем доложить. А то в критической обстановке начнет задавать лишние вопросы и...»

– Есть связь, товарищ сержант, ответьте двадцать первому...

Во время сеанса радиосвязи дежурный доложил: «...прибыл новый замполит. Крепкого телосложения казах с сердитым взглядом. Вообще не улыбается... Фамилию не запомнил...»

Ладно, вернемся восвояси, поглядим на хмурого казаха. Возможно, пожалеем об улыбочивом Балгимбаеве, а может... Короче, пожужим-пожужим, да и выплюнем. Все равно – дембель неизбежен!

Двадцать пять километров отшагать – не за пивом из музучилища в Алматы от проспекта Абая – угол Чапаева до Тимирязева – Ауэзова, где ВДНХ, сбежать. Вот же, блин, как меняется мировоззрение человека на службе. Два километра в городе – расстояние! Надо автобус подождать, иначе устанешь. Двадцать пять вдоль границы отмотать – лишь бы в баньку успеть, и никакой усталости.

Сказать, что пограничники любят бани, значит не сказать ничего. Мы их – обожаем и считаем таким же удовольствием, как... Пошучу: как северянин апельсины в том анекдоте! У нас на заставах бани, рубленные из вековых кедров, сосен, лиственниц. Вода в них завозится чистойшая, речной слезы сестра. Топка – только дровами. Дневальный по бане – должность ответственной. Если расхлябанный боец попадет на этот наряд, старослужащие вмиг с него стружку снимут: почему температура в парилке не та? Почему воды в бочки не натаскал? Почему половички не заменил? И т. д. и т. п. Летом хорошо протопленная банька дня три не остывает. Поэтому спешки нет – всем хороший пар достанется. А в последний день стиркой обмундирования солдаты займутся. Постельное белье в сельской прачечной нам стирают, а свои трусы и майки лучше самому обиходить. И не раз в неделю, а сколько представится возможным. Зимой баню протапливают один раз в неделю, но потом ежедневно поддерживают в ней тепло – мало ли, кого-то после ночного наряда отогреть придется. Честно говоря, у нас в Орловке и в иной зимний полдень до минус пятидесяти может давануть. Тепло и горячая вода в большом количестве обязательно нужны...

...У крыльца заставы нас, то есть пограничный наряд «Дозор», встретил старшина заставы.

Я по всей форме доложил молодому прапорщику о том, что за время несения службы по охране государственной границы на порученном участке пограничный наряд в составе...

Ну и так далее, завершив тем, что признаков нарушения государственной границы СССР не обнаружено.

– Нале-во! – отдал команду прапорщик Жилин. – К месту разряжения оружия – шагом марш!

Для того, чтобы случайным выстрелом не ранить или, не дай Бог, не убить кого-либо, в обязательном порядке во дворах всех застав оборудуется место для заряжания и разряжения оружия – этакий пулеуловитель, куда кладется ствол автомата, пистолета, винтовки-СВД. По команде проверяющего отстегивается магазин и оттягивается затворная рама, чтобы можно было убедиться: в казенной части ствола патрона нет.

– Осмотрено! – резюмировал Жилин. – Сдать оружие дежурному по заставе!

Почему-то именно после этой последней команды, каждый раз после наряда, ноги мои тяжелели настолько, что подниматься по ступеням высокого крыльца им не хотелось, причем в словосочетании «совсем».

– Вася, – обратился я к старшине. – Возьми мой мультук, а я пока что посижу в курилке. Потом сразу в баньку сбегаю...

– Не положено, товарищ сержант, – ошарашил меня отказом всегда готовый помочь «дедам» прапор. Ах ты!..

– Нового замполита привезли, – полусшепотом пояснил свое поведение Жилин. – Они сейчас в канцелярии.

– Кто это «они»?

– Его начПО полковник Хитущенко лично на вертолете доставил...

– Та-ак, начальник политотдела у нас остается на ночлег?

– Похоже на то. Так что, Острый, ты в баню не суйся, ее уже для полковника подтапливают и драют.

Я резко остановился: всё рухнуло! Всё, о чем мечталось последние восемь часов службы! Момент случился, и – я возненавидел нового замполита, вместе с начПО, лишивших меня своим приездом банного удовольствия.

– Да я даже умыться не стану – как есть, так и бухнусь в кровать, – выдал я зло из души.

– Я вот тебе бухнусь. Пока ты там птичек слушал, я всей заставе простынки новые застелил – знаешь ведь, Хит в первую очередь проверит, что жрем, на чем спим, во что одеты – тут он нам спуску не даст. Если что, у него сразу же коронный вопрос: «Товарищ прапорщик, у вас что, есть более важные задачи, чем забота о быте и отдыхе личного состава? Если есть, скажите, кто вам их поставил? Я и вам, и тому, кто не понимает, что о людях надо заботиться, а не только на службу гонять, яйца повыкручиваю...» Так что не пачкай грязной башкой новенькую наволочку! Очень прошу, сбегай на речку, помойся. Всё, иди, сдавай службу. А я – в столовую, ужин проконтролирую.

Меня мало утешили слова старшины – устал, обидно стало. Ладно. Сейчас посижу полчаса, солнце еще не успеет зайти за гору, и сбегаю на речку...

– Застава, строиться на ужин! – прохрипел динамик.

Вот те раз – обычно сначала ужинали офицеры из отряда, потом личный состав. Неужели полковник уезжает, и баня нам обеспечена? Ура!

– Влад, ты прямо счастливчик какой-то, – улыбаясь на всю ширь ротового пространства, объявил прапорщик. – Полковник Хитущенко перво-наперво спросил про тех, кто вернулся с наряда, и распорядился кормить вас, а потом... – Вася сделал паузу и радостно выпалил: – Потом мыть вас в бане.

– А он что же?

– Они сейчас с новым замполитом и начальником выскочат, пока светло, на участок, чтобы лейтенанту Кысы... – он запнулся на фамилии, – Кусты... фу-ты, не выговоришь эти казахские фамилии, да вот, у меня его аттестаты... ага ... Кыс-тык-баев, – по слогам произнес старшина.

– Марааат?! – сипло протянул я имя своего друга детства и отрочества.

Жилин еще раз глянул в бумагу.

– Ага, Марат Максатович... А ты что, знаешь его?

Менее секунды хватило мне на раздумье:

– Нет! Просто слышал раньше, от Балгимбаева. Он говорил...

– Слышь, Острый, ты, эта, сильно там не плескайся, и заставь салажат убраться после помывки. Ага?

– Будьделтовп-щик, – весело выдал я.

Настроение резко улучшилось. От предвкушения радости встречи с Маратом я бы завиллял хвостом, как это делают собаки перед выходом на службу. Правда, по окончании тридцатикилометровой пробежки с обнюхиванием каждого куста на фланге песики хвостом не машут и радостно не взвизгивают.

Мне не удалось задержаться на крылечке, чтобы лично убедиться – друг Марат ли прибыл командовать мной. Субординация велит: в присутствии такого большого начальника, как начальник политотдела погранотряда, полагается летать как мухам или затаиться.

Когда мы вышли из бани, со склонов седого Алтая, кстати, самых старых, после Урала, гор в СССР, потянул пронизывающий ветерок – стоять на улице нельзя, достанет до костей. И тогда – прости-прощай, моя застава! Больного отправят в Курчум. Уложат в санчасть, и про дембель в первой партии придется забыть. Показательное увольнение в запас – привилегия заставских срочников. Недаром мы сами себя называем «истинными пограницами».

Спрашивать у дежурного, тем более старшины, прибыли ли офицеры с участка, я не стал, хотя очень хотелось. Но что-то мне подсказывало: никто не должен знать и даже догадываться о наших отношениях с Маратом. Если, конечно, это тот Марат Кыстыкбаев, который...

Офицеры во главе с начПО прибыли с участка к Боевому расчету.

Полковник Хитущенко вышел на плац вместе с лейтенантом.

И, конечно же, это был мой друг детства и юности Марат!

– Товарищи пограничники! Представляю вам заместителя начальника пограничной заставы Орловка по политической части лейтенанта Кыстыкбаева Марата Максатовича!

Марат сделал шаг вперед. Принял положение смиренно.

– Пожалуйста, товарищ лейтенант, расскажите сослуживцам о себе.

– Родился и вырос в Восточном Казахстане, по национальности казах. Поступал в погранучилище в Алма-Ате, затем был переведен в Высшее пограничное военно-политическое ордена Октябрьской революции Краснознаменное училище Комитета государственной безопасности СССР имени Ворошилова, которое окончил в этом году. По личной просьбе направлен для прохождения офицерской службы в Курчумский пограничный отряд. Не женат.

– Вопросы к замполиту есть? – полковник выдержал небольшую паузу.

– Вопросов нет. И быть не должно. Лейтенант Кыстыкбаев учился отлично, распределен на отличную заставу. Полагаю, – начПО повернулся к лейтенанту, – служить вы будете тоже отлично. Стать в строй!

Марат четко приложил руку к зеленой новенькой фуражке, ответил «Есть!» и, печатая шаг, направился на правый фланг строя.

«Красиво идет замполит! – с какой-то радостной гордостью отметил я. – Но почему-то он какой-то неулыбчивый. Строгость на себя напускает, что ли?»

– Товарищ капитан! – прервал мои размышления полковник. – Проводите боевой расчет, а я убываю на Владимировку – возьмите передвижение на контроль!

«А как же баня?, – подумал я. – Вот она, служба! Даже полковник от нее зависит в полной мере, не вправе расслабиться. Нет, я отрублю положенное, и – на гражданку...»

– Всем всё ясно? – завершая распределение обязанностей на очередные пограничные сутки, спросил начальник заставы.

– Разрешите сделать объявление? – сказал Марат.

– Пожалуйста!

– Сейчас в сержантском классе я попрошу собраться командиров отделений.

– Вольно! По распоряжку дня всем – разоидись! Укрупненный наряд на границу! Прапорщик Жилин! – громко объявил капитан Ильин. – Не задерживаться, я жду вас здесь.

Назначенные на службу в ночь рванули за оружием. Крыльцо заставы отозвалось громким «бум, бум, бум».

Эх, старое дерево, сколько кирзовых, яловых и хромовых сапог стучало по тебе? Очень, очень редко тебя ласкали детские ботиночки и сандалии, а про женские каблочки тебе и вспоминать, видно, не приходится...

– Товарищ сержант! – тихо окликнул меня Марат. – Зайдите в канцелярию...

Что ж, я был прав, осторожность нам не помешает. Марат тоже не спешит демонстрировать старую дружбу, значит, так надо. Всё-таки из нас двоих он – офицер. Значит, на нем ответственности больше.

Я шагнул через порог «Офицерской Думы», как мы шутя называли это помещение, и сразу же оказался в объятиях друга. Оно длилось недолго, гораздо короче, чем хотелось бы, но, как говорил Суворов: «Служба – не дружба!»

– Влад, ты все понял?! – разжав крепкие клещи объятий, спросил Марат.

– Я и сам предполагал не светить наши отношения.

– Спасибо за понимание. Следовательно, наш лозунг до твоего увольнения в запас: «Дружба – дружбой, а служба – службой!»

– Не сомневайтесь, товарищ лейтенант...

Я понимал всю правильность и необходимость такой позиции моего друга, а теперь – воинского начальника. Но вот это последнее – «начальник» как-то не могло успокоить душу.

Что ж, терпи, казак...

– Всё, давай – в класс сержантского состава, у меня разговор серьезный.

– Встать, смирно! – подал я команду.

По-другому и быть не могло: кто лучше меня, старого сержанта, подчеркнет значимость и авторитет молодого лейтенанта?

– Вольно! – без строевого пафоса и нажима на командирский тон голоса сказал замполит.

Строгости, обычно демонстрируемой приезжими и заезжими офицерами, в его голосе не было. Он как-то делово, по-домашнему, что ли, или, лучше сказать, по-семейному, но как старший к младшим, обратился к нам:

– Садитесь, пожалуйста! Кто из вас командир первого отделения?

Я резко поднялся с табурета:

– Сержант Островский!

Другие сержанты недоуменно посмотрели на меня, мол, чего это «дед» демонстрирует молодому летёхе, который еще никак не зарекомендовал себя, высшую исполнительность?

– Я вас попрошу, товарищ Островский, на первых порах помочь мне с изучением бытовых условий и ознакомлением с личным составом, вы же, как я понимаю, без пяти минут «дембель»?

– И я надеюсь на это, – подыграл я задумке друга.

Именно официальное обращение ко мне за помощью позволит нам чаще вести душевные разговоры один на один.

– Хорошо, спасибо. Как вас зовут?

– Владислав. Можно Влад, можно Слава...

– Можно – Острый, – негромко буркнул командир отделения специалистов сигнализации и связи вредный и завистливый Витя Ткаченко.

Марат сделал вид, что не расслышал, а может, и вправду увлекся своими планами.

– У кого в отделении есть трудные подчиненные? – лейтенант достал блокнот и авторучку.

– У меня! – первым отозвался Ткаченко с места.

– Для начала представьтесь, я пока что не запомнил, кто есть кто. Но это – вопрос времени нашей службы. И, поскольку у нас с вами служебное совещание, прошу соблюдать правила военной этики.

Ткаченко вразвалку встал и оперся руками на крышку стола.

– У вас, товарищ сержант, ноги болят или спина? – без иронии спросил Марат.

По лицу Ткаченко пробежала гримаса недовольства – давит его летёха, давит. А ему и ответить нечего – заботится же о нем офицер.

– Никак нет, просто устал, намаялся сегодня с техникой – связь на левом фланге у нас барахлит...

– Понятно. Тогда я вас отпускаю. Можете идти.

Ткаченко, демонстрируя усталость организма, медленно пошел к выходу.

– Товарищ Ткаченко! – остановил его замполит. – Я сказал, можете идти, а вы забыли ответить мне.

Витька понял, что попал пальцем в рукомойник, а замочил всю ладонь.

– Есть! – выдал он из себя положенный в таких случаях ответ подчиненного начальнику или старшему по званию.

– Пожалуйста, Виктор, не забывайте о воинской вежливости, – мягко, по-отечески напомнил мой друг-офицер. – Вы отдохните, а потом представьте мне вашу характеристику на трудного солдата из вашего отделения – как его фамилия и должность?

– Связист, рядовой Шумилов. Он эта...

– Нет, сейчас про «эта» не будем говорить – напишите, какие замечания к подчиненному имеете и чем вам помочь как командиру отделения. Письменно!

Марат отвернулся от покрасневшего с досады Ткаченко:

– Продолжим, товарищи...

Молодец замполит, умыл Витьку!

Другие сержанты – командир второго отделения стрелков, затем главный кинолог и командир технического отделения, доложили устно. Фамилии отстающих по службе, специальности, боевой и физической подготовкам замполит аккуратно записал в свою рабочую тетрадь.

Отправляясь на свою койку, я заглянул в столовую.

– Равиль! – позвал своего годка Гузаирова через окошко для выдачи пищи. Тот немедленно отозвался.

– Новый лейтенант ужинал?

– Не приходил пока что.

– Слышь, татарин, накорми его с душой, как ты умеешь. Оказывается, нормальный мужик к нам прибыл. Сейчас так Витю-хохла остудил, тот чуть с катушек не съехал.

– И чё, и чё там? – повар прильнул к окошку.

Я рассказал ему, как тихо, спокойно и без мата лейтенант заставил нагло сержанта повиноваться.

– Молодца, ай молодца лейтенант! – восхитился Равиль. – Я утром тоже Ткача поставлю в строй. А то раньше всех приходит, вроде бы чай пить, сожрет свою порцию масла и потом понемногу от порцаек своих парней отковыривает.

Затарахтел дизель – наш чадушка, Пашкин питомец. Робко, в полнакала моргнул свет в лампочках. Потом еще, еще, еще раз, и свет залил наш дом.

Да, да, застава для солдата – дом родной! Не я один, многие поколения пограничников так считают. Сначала к этому крылатому выражению относишься с иронией: какой же это дом? – скорее казарма, общежитие, на крайняк. Но однажды, в дождь, снег, холод, вернувшись после наряда, переступишь

порог, сделаешь вдох, и в тебя, вместе с заставскими запахами – портянок из сушилки, борща из столовой, сапожного крема, оружейного масла и пота сослуживцев – вселяется теплое чувство обожания этой обстановки.

«Чик-чик! Я в домике!» – как в детстве, сказал я тогда себе. Здесь мои родные братья. Если что, они меня защитят. Приготовят еду, накормят, баньку истопят. Поэтому я могу после службы в секрете спокойно лечь на свою кровать и спать восемь часов кряду. Потом они пойдут охранять меня, страну, а я буду встречать их здесь, в нашем доме, имя которому пограничная застава Орловка. Многие считают наш участок тихим, спокойным, не проблемным. Подумаешь, только летом-то бдительность и нужна – заготовителей целебных трав и корней вылавливать. А с первым снегом горы становятся непроходимыми. Кого здесь ловить?

А про такое не слышали? Враг хитер и коварен! А старинную песню знаете? «Тихо на границе, но не верьте этой тишине». То-то же! Не нами подмечено, не нам отменят. Уставы воинские, как и «Наставление по охране госграницы СССР», «Учебник сержанта пограничных войск» кровью писаны. Погранцами-срочниками – солдатами и сержантами – проложены тысячи километров дозорных троп. И если службу ты несешь правильно, то и тишина на границе сохраняется. Тихо на границе не потому, что никто не желает ее пересекать в неполюженном месте, а потому что бдительно и надежно организована и творится наша служба.

Проснулся я, что называется, ни свет, ни заря. Еще пару часов смело можно было давить на гашетку сна, но мысль «Как там мой друг?», вошедшая в разум с первым переворотом тела на другой бок, пробудила меня лучше команды «Подъем!» или «Застава! В ружье!».

Брезжил рассвет над заставой. Вели первую рассветную перекличку птицы. Солнца пока не видно, но западные склоны Алтая наполнились пигментными пятнами бликов. Думаю, что исходили они от далеких снежных шапок вершин, что повыше низкорослых, близлежащих.

«В Алма-Ате у нас горы огромные и, конечно, красивее!» – успеваю подумать я, прежде чем войти в десятичочковый деревянный сортир, прозванный в народе «С чего начинается родина». И правда, ну когда мы научимся жить комфортно? Что, нельзя было нашим предкам теплый угол предусмотреть в помещении? Леса в то время, в 1920-х годах, навалом было – строй не хочу.

Или спешили предки, или в те времена не мерзли они? Не знаю. Но нам заставу, дом родной, срубили по простейшему проекту: с торцов большие комнаты – спальное помещение и кухня со столовой – в середине длинный коридор с комнатами налево-направо. Самую большую оформляли под Красный, как тогда называли, уголок. А пристроить со стороны спальни место, откуда можно, не замерзнув, вернуться ко сну, не додумались – вынесли на открытое пространство, да и всё. Ладно – летом: сидишь, только мух отгоняешь. А зимой, когда за сорок в минус? Мухи – ласточками кажутся. Мне один парень рассказывал: при пересечении границы ГДР и СССР сопровождающий делегацию посоветовал немцам: «Господа, кому необходимо, сходите в туалет сейчас. На советской стороне вам это очень не понравится. Придется терпеть до гостиницы». Наверняка в их казармах благоустроенные туалеты с кабинками. А мы здесь сидим, извините, жопа к жопе и стесняемся... Кто это сюда топают? Бли-ин! Это же Марат!

– Здравия желаю, товарищ лейтенант!

Марат стал как вкопанный.

- Проходи, не стесняйся – мы тут одни. Чего так рано поднялся?
- Да я не ложился. Что-то не спится. Хочу побыстрее изучить участок и влиться в службу.
- Успеешь еще – твои двадцать лет офицерской маеты до пенсии ещё впереди.
- Умеешь утешить, друг. Кстати, вы, имею в виду годков твоих, не дурите по поводу «ста дней» – не наш это обычай, не пограничный. Пограничники и после приказа могут еще по сто дней отслужить.
- Услышав это, я забыл, зачем пришел в туалет.
- Что, думали, никто не узнает про вашу бражку?! Ошибаетесь, работает особый отдел – отрядная контрразведка.
- Кто? Кто стукнул?
- Я не знаю. И ты не спрашивай, не наживай себе врагов в этой структуре – противной, но весьма необходимой для службы. Знаешь различие разведки и контрразведки?
- Догадываюсь, – совершенно потеряв и сон, и настроение, буркнул я.
- Первые ищут друзей среди чужих; вторые – врагов среди своих. Хочешь стать врагом? Так что скажи ребятам, что ты в этом не участвуешь.
- И сразу же попаду в стукачи.
- Да, может быть, и так... Хорошо, я подумаю, как слить и брагу, и напряжение. А «ста дней» мы отметим. Поможешь?
- Я? Тебе? А как может быть иначе?..

Через неделю Марат изучил личный состав – побеседовал с каждым бойцом. По-нашему – провел ИВР, индивидуально-воспитательную работу. Меня вызывал трижды, наговорились вдоволь. Всё-таки за время учебы Марата в Голицынском пограничном военно-политическом училище разлука сказала: иногда мне казалось, что не только манера поведения, но сам характер моего друга стали какими-то железобетонными. Он говорил, как будто бы чеканил слова, высказывался со стопроцентной уверенностью в собственной правоте. Часто повторял: «ты же сам знаешь», «именно так и должно быть», «мы добьемся». А однажды выдал перл из лексикона старых большевиков: «...или мы их, или они нас, третьего не дано». Причем без иронии, на полном серьезе сказал. Вот как уверовал мой грамотный глубоко и широко эрудированный друг в учение Маркса, которое «...всесильно, потому что оно верно!»

С самого начала службы вступать в диспут с офицерами, тем более с замполитами, я не пробовал – помнил уроки обществоведения и не раз конспектируемые материалы и непререкаемые выводы съездов КПСС. Помнил, как чуть не лишился учебы за высказывание собственного «незрелого» политического мнения. Сидел и слушал лейтенанта Кыстыкбаева, давнишнего закадычного друга, с недавней поры – непосредственного начальника. К тому же, я – комсомолец, а замполит – член партии. Партия – наш рулевой, и особенно для комсомола, своего боевого помощника. «Партия сказала: надо! Комсомол ответил: есть!» – на всех плакатах этот лозунг. И я, и такие, как я, с этим не спорили, надо – значит надо, исполним. В конце концов мое искреннее убеждение, и особенно после почти двух лет военной службы, – без командира не будет успеха. Дисциплина – мать победы, а исполнительность – ее душа.

Так что командуйте, товарищ замполит, командуйте. Только со мной надо помягче, без стальных интонаций. Ты, Марат, просто посмотри на меня как в детстве: с восхищением, когда я играл на баяне, а ты этого делать не мог, или с одобрением, когда я повторял за тобой на турнике сложные гимнасти-

ческие упражнения. И смотри с укором, если что-то неправильно делаю. Посмотришь, и я всё пойму...

Н-да, хотелось бы, чтобы продолжались наши отношения именно так, но, сам знаю, служба – службой, дружба – дружбой, а табачок врозь, да и денежки, даже среди друзей и братьев, счет любят.

– ...Так что давай, друг мой и брат Владислав, будь примером сам и тяни к высшему уровню дисциплинированности своих подопечных, – в очередной раз поставил передо мной задачу замполит.

Я резко встал со стула и четко ответил:

– Есть!

Марат, до этого расхаживающий по канцелярии размеренным шагом, замер. Недоуменно взглянул на меня:

– Мы же не в строю – ты чего каблуками щелкаешь?

– А ты чего со мной таким менторским тоном стал разговаривать? Не замечаешь, как проводишь черту, отдаляешь меня? Даже сейчас, когда рядом никого нет, металл в голосе демонстрируешь. Боишься, что вскорости при всех похлопаю тебя по плечу?

– Ты чего, Владка?! – Марат шагнул ко мне и протянул руки для объятий.

В этот момент в дверь постучали. Он отшатнулся в сторону, и в канцелярию вошел дежурный по заставе:

– Товарищ лейтенант, обед накрыт!

Я воспользовался моментом, спросил разрешения и вышел.

На душе, что называется, кошки скребли: понял меня мой друг или не понял? Уж кто-кто, а он лучше других знал, что не стану выпячивать при солдатах наши отношения и привилегий для себя не попрошу. Если бы мне раньше сказали, что Марат станет «железным феликсом», не поверил бы...

– Эй, Острый! – окликнул меня Гузаиров. Он был одет в подменную форму – такую старшина выдает тем, кто заступает в наряд на хозработы.

– Не понял, ты где-то трудишься или шлангуешь под маскировкой?

– На кухню рабочим поставлен. Наш принципиальный замполит наряд вне очереди объявил – опустил дедовской авторитет. Вот ты его хвалил, а он...

– За что?

– Зашел ко мне в кинобудку, ну и полез аппаратуру осматривать, нашел там дембельский альбом...

– И массу пыли? – догадался я. – Чего же ты после этого хотел?

– Мог бы не на кухню «деда» отправлять.

– Эээ, брат, тут я с тобой не соглашусь!

Почему-то в этот момент все фибры моей души ощетинились в защиту Марата. И не потому что – друг. Как офицер, ответственный за деятельность киномеханика, он всё сделал правильно, и даже мягко.

– Мягкое наказание он тебе дал. Я бы такому раздолбаю строгача закатил, и – вот тебе дембель в последнюю очередь. Молодец, замполит, молодец!

– Ага, ага... Ай, молодца наша лейтенант, уж такая молодца. И ты, сержанта, молодца, – перешел на дурашливый тон быстро въезжающий в обстановку Равиль и замурлыкал татарскую мелодию: «Волгам-рещкам я гулял, щуркам-палкам в рек бросал. Ты плыви, мой щуркам-палкам, славный город Казань к нам». – Товарищ сержант, разреши обратиться на твой величества? Давай миня памагай, капуст таскать на кухню!

Я рассмеялся – меня всегда умилял этот смешливый и сметливый татарский розовощекий мальчик, умевший за секунду менять настроение и себе, и окружающим.

Мы сходили на продсклад, взяли там огромную кастрюлю-пятидесятку с квашеной капустой и отправились на кухню.

Дверь с улицы была закрыта, а ручка на ней отсутствовала. Мы поставили кастрюлю с остро пахнущей квашенкой на крылечко. Равиль побежал через главный вход в столовую, чтобы открыть вход изнутри.

Через пару секунд дверь отворилась – повар Алишер Низамов услышал нас.

– Ты что, Владик, сам этот кастрюл принос?

Алишер разговаривал на русском языке чисто и грамотно, но иногда вспоминал акцент земляков и подражал им. Вот и в этом случае: сказав «кастрюл», он имел ввиду большую емкость. Среднюю называл, как и положено, «кастрюля». А маленькие для него были «кастрюльчиками».

– А где Равиль?

– Дверь подопри, чтобы не закрывалась, сейчас Рава примчится.

В этот момент Гузаиров открыл внутреннюю дверь в столовую и кухню. Горный ветерок мгновенно усёк лазейку, и, захватив за собой капустный дух, сквозанул с улицы в столовую.

Пока мы с Равилем корячились, занося в кухню кастрюлю, в столовую вошел Марат.

– Повар! – громко позвал он Низамова.

Алишер, бросив замес теста на хлебные булки, с перемазанной мукой физиономией выскочил в зал.

– Я, товарищ лейтенант!

– Чего это у тебя воняет? Прокисло что-то?

Алишер потянул воздух ноздрями, завертел головой... И попробовал оправдаться:

– Никак нет, товарищ лейтенант... Не знаю... До вас не воняло...

Марат, помогавший повару обнаружить источник вони, тоже крутил головой из стороны в сторону и увидел нас с кастрюлей по ту сторону раздаточного окна. Уронив капусту, мы с татаринном корчились от смеха. Наконец и до замполита дошла двоякость ситуации, расхохотался и он. И только Алишер ничего не мог понять: действительно же, на кухне до лейтенанта не воняло...

Правильно говорят, смех продлевает жизнь. А я вам больше скажу, не только жизнь, но и дружбу укрепляет.

Видели бы вы лицо моего друга в этот момент. Мы почти минуту безотрывно смотрели в глаза друг другу. И у него, и у меня в мгновение ока промелькнуло в памяти одно из самых дорогих человеческих чувств – наши детские воспоминания...

... – Военнослужащим призыва «Осень – 73» собраться в Ленкомнате! – объявил дежурный.

– Это что? – спросил у меня Равиль.

– Понятия не имею. Пошли, раз требуют.

Через пару минут вслед за нашей дедовской компанией вошел лейтенант Кыстыкбаев.

– Сидите, мужики, – буднично, без офицерских ноток в голосе сказал он, едва я раскрыл рот для подачи команды «Встать! Смирно!».

– Значит так, совещание наше секретное – специально ждал, когда останусь на заставе один на один с вами. Сто дней до приказа отменять не будем, хотя возвести в официальный ранг ваш «праздник» я не имею возможности. Но отметим мы его не так, как вы планировали...

Мы вздрогнули, кашлянули, кто-то заерзал на табуретке. Москвич, готовивший нам «сюрприз», и Пашка, вложивший в бражку много сил, исподлобья начали оглядывать присутствующих: кто заложил?

– Сразу вам доложу, – продолжил Марат, – стукачей среди вас и на заставе, в целом, нет. Информация получена из официального источника.

– Ясно, – выдохнул Пашка. – Был он у нас недавно, ходил тут, улыбался всем...

– Это не обсуждается. Мне самому не хочется начинать службу с разбирательства, поэтому предлагаю сейчас же промыть систему отопления и хорошенечко водой убраться все следы на земле. И это тоже не обсуждается, а исполняется.

– Ильин вернется со службы, нашему дембелю кирдык придет, что ли? – высказал вопрос-догадку Паша.

– Начальник не в курсе, – с каменным выражением лица сказал замполит. – Я взял всё на себя, подведете, отвечать будем вместе. Я оставляю вас одних на три часа – дежурный знает, что нужна бочка воды, выпустит в село. Кстати, обсудите праздничную программу, включая номера художественной самодеятельности от лиц, переводимых в «дембеля», и меню от шеф-повара. Сладости – с меня. Как раз мою первую зарплату обмоем.

– Ну и?.. – начал Пашка. – Кто нас вложил?

– Не разберемся мы с этим, и нам это на хрен не надо, – резюмировал я. – Как думаете, не врет летёха? Точно Ильин не в курсе? А он сам от кого узнал?

– Эх вы, славяне-христиане! Он же казах, – начал пояснение своей версии Равиль. – Особист тоже, конечно, казах. У нас, у мусульман, святое дело другу дружку поддерживать. Конечно, у опера среди личного состава обязательно есть доверенное лицо. Вычислить его мы, конечно, можем – обычно это тот, кого раньше поймали на крупном проступке – но лезть в это расследование я бы никому накануне дембеля, конечно, не советовал. Так было, так есть и так будет всегда.

– О, мудрый Равиль! – воздел сложенные, как для молитвы, ладони вверх Серега Иванов. – Сейчас не об этом надо думать, – он опустил руки и подколол сослуживца его любимым словом, выговариваемым через четкое твердое «Ч», – а, конечно, о том, как брагу сливать без вони, и какую такую программу нам готовить на «сто дней».

– Пусть Острый берет баян и наяривает, – то ли в шутку, то ли всерьез предложил ефрейтор Серик Атагулов.

– Давайте решать проблемы по мере их поступления, – взял управление в свои руки я. – Слушай мою команду: Паша – на слив; Москвич, взял бричку и за водой; Алишер, иди к Жилину, пусть покажет тебе закрома, выбери, из чего сможешь вкусненькое сварганить. А я – прикину сценарий праздника. Все-таки хочется верить замполиту. Он к нам – по-человечески, и мы к нему будем – лицом.

– Слышь, Влад, – шепнул мне на прощание Фриман, – думаю, что это Ткач. Поэтому он всегда такой наглый.

– Ты не говорил, я не слышал...

...Как видно, информация о нашей задумке с брагой доведена до командования. И в день предполагаемого отмечания «Ста дней до приказа» на заставу пожаловал сам начальник погранотряда – командир воинской части.

А у нас – все готово... для официоза!

Я с баяном, замполит с гитарой – оказывается, у них в Голицыно были уроки музыки, пения и танцев, во как! Равиль с татарской песней «Тима», что

значит «Пуговка», про юношу маленького роста; Алишер с песней «Учкудук» из репертуара группы «Ялла», а ему подпеваает Марат с гитарой; Москвич, который поехал за водой для промывки системы отопления и всё-таки, на зависть Паше, встретился с Люськой, выучил басню Михалкова про льва, на клетке которого написали «Осёл»; потом я исполнил вариации на тему русской народной песни «Утушка луговая», Марат сыграл «Адажио» Альбиони. Красивая мелодия, все притихли, когда он играл – гитара не очень звонкий инструмент. И наконец, мы спели песню, хором!

Сами сочинили. Точно, не вру.

Сначала кто-то предложил спеть эту, почти народную, песню, «Тихо на границе». Но Равиль, как неожиданно оказалось, человек, пописывающий рифмы, вдруг сказал:

– А я считаю, что на границе не бывает тишины! – и обосновал свое творческое видение, да так, что нам на ум сразу же пришла вторая строчка: «И не знают здесь слова "покой"». Следом – зародилась маршеобразная мелодия. А перед отбоем Гузаиров прочел нам текст полностью:

*На границе не бывает тишины,
И не знают здесь слова «покой».
Пограничникам все шорохи слышны.
Это знаем, товарищ, с тобой.*

Припев менял размер стиха и мелодии:

*И лишь в стихах и песнях тишина
Окутывает рубежи страны.
Не спорим, романтична в них она,
Но служба не приемлет тишины.*

Второй куплет возвращал размер:

*Затаилось и уснуло всё вокруг.
Мы шагаем дозорной тропой.
Слышу я, как бьется сердце твое, друг,
Вижу новый рассвет над страной.*

И опять – припев, потом третий куплет:

*У земли советской крепки рубежи –
На границе ее сыновья.
И примкнуты к автоматам штык-ножи,
Расслабляться нам, братцы, нельзя.*

Последний припев получился особенно страстным – мы прониклись темой до мозга костей:

*Нам и в стихах, и в песнях «тишина»
Велит в дозорах бдительными быть,
Чтоб мирная советская страна
В спокойствии и счастье могла жить!*

И когда мы грянули этот марш под баян и гитару, командир части полковник Слипенко поднялся с табуретки и начал прихлопывать в такт музыке. Конечно же, все последовали его примеру.

– Молодцы, артисты! Хорошо поете – громко! – резюмировал он наше выступление. – А то некоторых певцов послушаешь – мурлыкают что-то жалобными голосочками, понимаешь, про дождик, дескать, мокрый стою в твоём подъезде. А девчонка такого мурлыку и не услышит. А вас, орлы, все девачи, как послушают, так и... – полковник хохотнул, потом кашлянул и перешел на командный тон: – Вот, понимаешь, как надо отмечать сто дней приказа! Молодцы! А то, понимаешь, в некоторых воинских коллективах начинается искривление дисциплинарной практики – некоторые бутылку ищут. Напиваются, и начинается дедовщина. Недаром, понимаешь, Орловка у нас на хорошем счету – отметим в приказе.

Он повернулся лицом к руководству.

– Тебе, лейтенант, пока что моя устная благодарность. А про тебя, начальник, до весны решим: или звание досрочно, или вышестоящую должность. Но не расслабляйтесь.

– А нам, значит, хрен да маленько, – успел тихо вымолвить Иванов.

Слипенко как будто бы услышал реплику. Повернулся к нам, всё ещё стоящим в хоре, как в строю.

– Ну, а вы, сынки, понимаешь, заработали себе начальные дни увольнения в запас. Не подведите в последние месяцы службы и не дурите мне...

– Так точно! – выдохнули мы. Наконец-то дождались вердикта.

Всё-таки умные у нас командиры: узнали, предупредили, выпустили пар и...

Никаких происшествий на пограничной заставе Орловка не произошло!

За исключением...

На следующий день Паша-дизелист признался:

– Хорошо, что брагу слили...

Мы с Фриманом, свободные от службы, услышав от товарища такое, недоуменно переглянулись.

– Короче, мужики, я же ее попробовал – думал литров десять в банку из-под сока налить – на дембель. А она – какая-то кислятина с запахом канализации. Может, кто нассал в расширительный бачок, а?

– Ты пробовал, тебе виднее... – мягко подколол Мишка.

– Не, ну а чё? Отравиться же могли.

– То-то и оно. Замполит оказался прав, – в очередной раз очень, так сказать, «в жилу», похвалил я друга «за глаза». – Та-ак, что у нас по времени? Политзанятия! Товарищи солдаты! За мной в Ленинскую комнату шагом марш!

– Нее, я не пойду, – загрустил Паша. – Мне надо, эта... ну, с чадушкой познакомиться...

– Не прикидывайся шлангом, Паша. Вперед, солдат! Ты же политический боец на порученном участке границы, полпред советской державы, – процитировал я очередной лозунг партии о пограничниках. – На политзанятия! Всё! Иначе дембель в опасности!

– ...Прошу ещё и ещё раз запомнить: страна только тогда может считаться суверенным государством, если отвечает некоторым незыблемым признакам, один из которых – наличие государственной границы, – завершая второй час занятий с подчиненными, напомнил тему лейтенант Кыстыкбаев. – Всем понятно?

– Так точно! – дружным хором ответили солдаты. В основном это были молодые воины, прибывшие нам на замену.

- Занятия закончены – свободное время.
- Разрешите вопрос? – поднял руку связист рядовой Жиенбаев.
- Пожалуйста!

– А на нашем участке нарушителей задерживали, или их здесь не бывает?
– При мне пока что не было таких случаев, – правдиво ответил Марат.

Я почувствовал, что друг в этот момент испытывает неловкость: а вдруг молодежь, у которой романтика ещё играет в одном месте, скажет: да какой это пограничник, если только и занимается тем, что читает нам лекции?

Как им объяснить?

Не так это.

Послужат, узнают: любой офицер на заставе – учитель в последнюю очередь. А в первую очередь он – организатор бдительной службы по охране рубежа страны. Причем сам лично и непосредственно в ней участвующий: с оружием, на коне или пешком пробирается по дозорной тропе, таится в секрете, ведет наблюдение за сопредельной стороной, идет в разведку, работает с местным населением. Обязанностей много.

– Наши предшественники говорили и нам передали наказ: «Застава – рубеж боевой!», – продолжил замполит. – На границе в любой момент может случиться боевая обстановка. А поэтому все мы должны – что? – быть...

– Бдительными! – так же хором, но как-то вяло выдохнули солдаты, уставшие от долгого конспектирования помыслов партии и правительства, приказов командования и руководства.

– Все свободны!

– Встать! Смирно! – заученно выдохнул я.

– Вольно!

Через окно канцелярии Марат смотрел на нас, сидящих в курилке. Интересно, о чем задумался замполит? Ну не о дембеле же. Ему еще лудить и лудить службу. Лет двадцать как минимум. Если же выпадет карта козырная и пришьют ему на штаны лампасы – сможет и до шестидесяти лет служить. Но не всем эта карта выпадает, только счастливым, да зятьям и сыновьям генералов. Недаром же в армии существует поговорка: генерал – это не звание и не должность, это – счастье. Вот бы Марату повезло...

От мысли меня отвлекли досужие вопросы салажат, что курили, шутили, вспоминали о доме и дембеле – любимые солдатские темы. Шустрый Даурен Нургалиев приставал к старослужащим, то есть к Сереге Иванову, красовавшемуся с «орденом» и полным набором солдатских знаков отличия на гимнастерке: в первую очередь выше остальных Серега повесил два «погранца» – первой и второй степени и знак особого отличия «Старший пограннаряда». В нижнем ряду – «Отличник Советской армии», прозванный в нашей среде «шурупом» в пограничном щите Родины. Потом следовали знаки: спортсмена-перворазрядника, комплексов ГТО и ВСК, классного специалиста и комсомольский значок. Иванов бережно ухаживал за солдатским иконостасом, начищал знаки пастой «Асидол» и протирал бархоткой.

– А «Отличника погранвойск» за что дают? – не унимался солдатик.

– За успешное задержание нарушителя госграницы, – с осознанием собственной значимости ответил Серега, и в этот момент он напомнил мне ветерана Великой Отечественной войны.

Его привели в наш класс. Дед показывал нам ордена и медали, рассказывал, как и за что получал их. Оказывается, у каждой награды есть собственная история. Интересно, что расскажет Иванов?

– А замполит сказал, что у нас в Орловке нарушителей давно не задерживали, – не сходил с темы салажонок.

– А ты не иначе как хочешь домой с медалью приехать? – подколот его годок.

Ребята дружно хохотнули. Но не зло, по-доброму – каждому хотелось приехать домой героем границы... Именно в этот момент взвыла сирена, захрипел динамик: «Застава, в ружье!» И еще раз: «В ружье! Тревожная группа, на выезд!»

Оп-па! Вот тебе – на!

Как пишут в детективах? «Ничто в этот ласковый, не по-осеннему теплый день не предвещало беды...»

Молодежь несколько растерялась, но уже через секунды неслась по коридору в сторону оружейной комнаты. Побежали все: и те, кто в этот момент находился в служебном помещении, и только что смеющиеся в беседке...

– Пропустить вперед тревожную группу! – зычно подал команду Ильин. – Лейтенант Кыстыкбаев, действуйте.

– Сержант Островский, – окликнул меня Марат. – Докладить о готовности...

В эти сутки я в составе тревожки. Стрелой помчался к уазу водилы Штырева, чтобы подгонять остальных...

Честно говоря, описывать это событие мне не очень-то удобно, потом поймете почему. Через неделю о нем напишет военный корреспондент в окружной газете «Часовой Родины». Его очерк я бережно сохранил. Прочтите его:

«... – Сработка на левом участке! – доложил начальству дежурный связист.

– Передать доклад по команде! – распорядился начальник заставы и приказал: – Тревожная группа – к машине! Вперед!..

...Сработка сигнализационной системы на участке границы – не редкость: то крупная птица сядет на провода и замкнет их, то дикое животное шархнет от преследования прямо на электронити, а то и просто – техника потренирует пограничников по одной ей ведомой причине. Но в любом случае пограничники поднимаются “В ружье!”. Это значит, солдаты, сержанты и офицеры заставы утраивают бдительность, в считанные минуты входят в состояние боеготовности. А боеспособен пограничник всегда! В такие минуты все действия совершаются в мгновение ока, на бегу.

Вот и на этот раз, пока дежурный по отделению рапортовал наверх, а дневальный спешно открывал ворота, выдавший все виды ухабов пограничных путей-дорог уазик, натужно взревев двигателем, помчал на левый флаг тревожную группу во главе с лейтенантом Маратом Кыстыкбаевым. В эти пограничные сутки, в час, который принято называть “Время «Ч»”, в состав тревожной группы были назначены: командир отделения стрелков сержант Владислав Островский, связист рядовой Ернар Жиенбаев, рядовые Михаил Фриман и Онербек Назарбеков, старший инструктор службы собак ефрейтор Петр Проценко со своим и всеобщим любимцем – псом по кличке Райф.

Последние – инструктор и собака – размещались в так называемом собачнике, что в уазике вместо багажника.

– Эх, нелегка ты, жизнь собачья, – притворно-горько шутил ефрейтор, взлетая на ухабах выше тех, что сидели на сиденьях. Предчувствуя веселую энергичную прогулку, Райф нетерпеливо поскуливал.

“И чего он так гонит? – в сердцах, в очередной раз подлетев вверх и глотнув пыли, в адрес рядового Валерия Штырева, ведущего автомобиль к месту сработки, подумал связист. – Сам-то за баранку держится...”

...Наконец показалась заботливо ухоженная, распаханная дисковыми боронами, словно под посев, нивелированная ветрами и окропленная дождями контрольно-следовая полоса – КСП. Бесконечной петляющей меж при-

горков серой лентой она уходила на север и юг. За ней – “безмолвный страж границы” – заградительный забор.

Отработанным маневром тревожная группа принялась осматривать участок. И минуты не прошло, как Райф и его вожатый, каждый на своем языке, доложили:

– Обнаружены следы нарушителя, ведущие в наш тыл!

Пёс подкрепил доклад ефрейтора двумя одобрительными рыками и закрутился вокруг следа, как юла, будто уточняя направление движения злоумышленника. А то, что здесь побывал непрошенный гость, подтвердил и связист, обнаруживший обрыв нити в системе.

– Товарищ лейтенант, – доложил с места обнаружения сержант Островский, – здесь широкий лаз, нарушитель не церемонился и грубо оборвал несколько нитей.

“Ну вот вам, братцы, и нарушитель, о котором вы мечтали! – подумал Кыстыкбаев. – Честно говоря, и мне он тоже частенько мнился. Теперь не оплошать бы!”

Не теряя времени, тревожная группа начала поиск того, кто посмел нарушить покой и неприкосновенность советской границы.

Кто он? Зачем пришел? Что ему от нас надо? Ответ на эти вопросы будет только тогда, когда “гость” предстанет перед судом. Может быть, он расскажет свою историю раньше – на допросе? Но вначале его надо догнать, найти и задержать.

“Вопросы потом, потом, потом...” – в такт всё убыстряющимся в беге шагам прокручивал мысленно офицер.

– Не отставать от Райфа! – то и дело приободрял он тревожную группу.

Несколько раз пёс останавливался. Как будто бы жалея людей, давал передышку, но, покружившись на месте, вновь брал утраченный было следовой запах и устремлялся вперед.

“Километр... два... Да как же он прытко бежит... Причем без ухищрений – ломает всё на пути – местами траву с корнем вытащил... Кто же ты, враг или сумасшедший?.. Да кто бы ты ни был, я тебя возьму!” Мысли роились в голове и прибавляли лейтенанту, как бы сказали о подобном состоянии военные психологи, служебного рвения, причем в полном физиологическом смысле этого понятия.

...Вот уже и привалки гор спускаются в долину. Покатые спинки их обросли буйной зеленью. Ухабы и кусты скрывали незваного гостя и выматывали пограничников. Каждому в эти минуты пригодилась тренировка по преодолению препятствий. Но бежать было всё сложнее, дыхание становилось затрудненным – вроде бы и не жарко, но как же хочется всего лишь глотка свежести.

И только Райф, соскучившись в будке по воле, стремительно рвался вперед.

...Вдали показался силуэт мужчины, который, укрываясь в складках местности, настойчиво продвигался вперед. Пока что он не замечал погони и, надо полагать, радуясь в душе, решил, что всё идет весьма благополучно, можно и на шаг перейти...

– Растянуться в цепь! Окружаем с флангов, – едва переводя дух, приказал лейтенант.

Успокоенный “клиент” заметил пограничников, когда они почти нагнали его. Райфу оставалось лишь запрыгнуть ему на спину, но без команды умный пёс не стал бросаться, даже рычать не пробовал: высунув язык, то и дело поворачивал голову в сторону инструктора и глазами просил: “Ну скажи, скажи мне «Фас!»”.

На секунду обернувшись, нарушитель границы замер, внимательно посмотрел на пограничников, на собаку, но рук вверх не поднял, а крутнулся на месте и вновь попробовал бежать. Вот тут-то и прозвучали заветные для Райфа слова!

Пёс в два счета нагнал беглеца и повалил на землю. Однако тот, видимо, решил погнаться, но не сдаваться, и ударил чем-то тяжелым собаку по голове. Райф зарычал и еще крепче сжал челюсти. Мужчина застонал и обмяк.

– Райф, фу! – дал команду вожатый.

Дисциплинированный четвероногий пограничник немедленно выполнил ее, но бдительного взгляда с нарушителя не спустил. А тот, разгоряченный схваткой, немедленно вскочил на ноги и зачем-то принял бойцовскую стойку. Сдаваться ему не хотелось, ведь еще несколько минут назад всё было так хорошо. Не напугали его и три автоматных ствола, подкрепленные оружием офицера – пистолетом Макарова. Несколько секунд тревожная группа и нарушитель госграницы – по внешнему виду он был похож на китайца – стояли и молча, тяжело дыша, внимательно разглядывали друг друга. Лейтенант решил не применять оружие и подал знак сержанту Островскому подойти к незнакомцу с тыла, чтобы отвлечь от себя внимание. Задумка удалась – на мгновение китаец обратил взгляд на солдата, и этого хватило: офицер резким ударом сбил мужчину с ног. Сержант Островский мгновенно навалился на пытавшегося подскочить мужчину и связал ему руки. Затем беглеца подняли на ноги. Поняв безнадежность своего положения, он понурил голову, нахохлился, словно ворон перед осенними холодами и, специально замедляя шаг, побрел в сторону прибывшего на место задержания уазика.

На обратном пути, прокручивая в голове ход задержания, лейтенант почему-то обрадовался внезапно захватившей его мысли: “Ну вот, теперь и у нас есть задержание. Первый за несколько последних лет нарушитель не смог безнаказанно перейти госграницу! Первый... А ведь и в моей службе он – первый. Интересно – как командование оценит? Тьфу ты – совсем как первогодок размышлял о приезде домой с медалью на груди... Пусть лучше этот первый станет на нашем участке последним... Ладно, хватит мечтать, надо разложить всё по полочкам и не забыть отметить в рапорте роль и место в задержании каждого участника”.

Впоследствии выяснилось: нарушитель был гражданином КНР. С его слов, два дня назад он пошел в сторону линии государственной границы с целью поиска лучших условий жизни на территории Казахстана. Документов, удостоверяющих личность, при себе не имел – паспорт гражданина КНР он порвал и выкинул еще в Китае. Следственные действия по его преступлению, а именно так расценивается нашим законодательством несанкционированное пересечение государственного рубежа, проводят в Комитете Государственной безопасности Казахской ССР. По их завершении будет принято процессуальное решение. Возможно, через несколько лет он расскажет другим, что граница Советского Союза священна для своих граждан и неприкосновенна для чужаков. Она надежно защищена такими парнями в зеленых фуражках, с которыми ему пришлось столкнуться в сентябре 1975 года.

Остается добавить, что все участники задержания представлены к наградам и поощрениям».

Прочли? Теперь и я, забегаю вперед, добавлю: Марат в рапорте о задержании китайца немного преувеличил мой героизм, и в день убытия в запас Вооруженных сил мне на китель командир части полковник Слипченко прикрепил настоящую медаль «За отличие в охране Государственной границы

СССР». Остальные ребята стали кавалерами знака «Отличник погранвойск» первой степени. Друг мой, видимо, из карьерных побуждений – вот ведь как захватила его служба – предпочел досрочно надеть погоны старшего лейтенанта. Правильно, служить ему долго. И если служить хорошо, как говорил самый главный генерал Восточного пограничного округа Донсков, относиться к службе по-фронтовому, медали еще будут. К тому же не видно их в повседневной жизни – только на парадных мундирах крепятся награды. А погоны – вот они, на виду. Ну, Марат...

Настоящий офицер, без амбиций, но целеустремленный.
И друг надежный.

В марте 2024 года отмечают:

80-летие

Гусман Жандыбаев, *поэт*
Жумат Тлепов, *литературовед*

70-летие

Толымбек Алимбекулы, *прозаик*
Танатар Дарелов, *поэт*
Ислам Косжан, *поэт*
Дарига Муштанова, *поэт*

60-летие

Даулетбек Байтурсынулы, *поэт*
Умит Кашаубаева (Умит Жалеке), *прозаик*

50-летие

Алибек Шегебаев, *поэт*

Редакция журнала «Простор» сердечно поздравляет юбиляров!

